

LE MESSENGER

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО
ХРИСТІАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

VI — І ЮНЬ ~ 1931

ПАРИЖЪ

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА YMCA - PRESS:

Религія, філософія и жизнь
Русскіе мыслители

	Долл.
Бердяевъ, Н. А. — Константинъ Леонтьевъ.....	1.—
Бердяевъ, Н. А. — Міросозерцаніе Достоевскаго	0.50
Бердяевъ, Н. А. — Философія Свободнаго Духа, ч. I.	1.10
Бердяевъ, Н. А. — Философія Свободнаго Духа, ч. II	1.10
Бердяевъ, Н. А. — О самоубійствѣ	0.25
Вышеславцевъ, Б. П. — Сердце въ Христіанской и Индійской мистикѣ	0.25
Зѣньковскій, В. В. — Русскіе Мыслители и Европа	0.95
Ильинъ, И. А. — Религіозный Смысль Философіи	0.50
Ильинъ, В. Н. — Загадка Жизни и Происхожденіе Живыхъ Существъ.....	0.35
Ильинъ, В. Н. — Шесть Дней Творенія	1.20
Курдюмовъ, М. — О Розановѣ	0.25
Лосскій, Н. О. — Свобода Воли	0.50
Лосскій, Н. О. — Цѣнность и Бытіе	0.80
Проблемы Русскаго Религіознаго Сознанія. — Сборникъ	0.90
Реймерсъ, Н. А. — Эстетическій Принципъ въ Исторіи	0.70
Скобцова, Е. Ю. — Достоевскій и Современность	0.25
Скобцова, Е. Ю. — Міросозерцаніе Вл. Соловьева	0.25
Скобцова, Е. Ю. — А. С. Хомяковъ	0.25
Трубецкой кн. Г. Н. — Красная Россія и Святая Русь	0.60
Франкъ, С. Л. — Крушеніе Кумировъ (распродано)	0.40
Франкъ, С. Л. — Смысль Жизни	0.50
Франкъ, С. Л. — Духовныя Основы Общества	1.—
Алексѣевъ, Н. Н. — Религія, Право и Нравственность	0.50

Книги можно выписывать черезъ Редакцію Вѣстника.
10, BOULEVARD MONTPARNASSE, PARIS (XV).

Подписчики Вѣстника пользуются льготными условіями.

ЦѢНЫ НА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Цѣлая страница	60 фр.	Четверть страницы	20 фр.
Половина страницы	30 >	Восьмая ч. >	10 >

Редакторъ: **И. Лаговскій**

Адресъ Редакціи: **I. LAGOVSKY, 10, Boulevard Montparnasse, Paris (XV).**

Тѣл.: **Ségur 31-68.**

Изданіе **Р. С. Х. Движенія за Рубежомъ**

4026384

ВѢСТНИКЪ

РУССКАГО СТУДЕНЧЕСКАГО ХРИСТІАНСКАГО ДВИЖЕНІЯ

РУССКОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ХРИСТІАНСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ЗА РУБЕЖОМЪ ИМѢЕТЪ СВОЕЮ ОСНОВНУЮ ЦѢЛЮ ОБЪЕДИНЕНІЕ ВѢРУЮЩЕЙ МОЛОДЕЖИ ДЛЯ СЛУЖЕНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ И ПРИВЛЕЧЕНІЕ КЪ ВѢРѢ ВО ХРИСТА НЕВѢРУЮЩИХЪ. ОНО СТРЕМИТСЯ ПОМОЧЬ СВОИМЪ ЧЛЕНАМЪ ВЫРАБОТАТЬ ХРИСТІАНСКОЕ МІРОВОЗРѢНІЕ И СТАВИТЬ СВОЕЮ ЗАДАЧЕЙ ПОДГОТОВЛЯТЬ ЗАЩИТНИКОВЪ ЦЕРКВИ И ВѢРЫ, СПОСОБНЫХЪ ВЕСТИ БОРЬБУ СЪ СОВРЕМЕННЫМЪ АТЕИЗМОМЪ И МАТЕРІАЛИЗМОМЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ № 6 (1931)

	стр.
1 Іюня 1931 года	2
Бесѣда о кротости	3
Церковь и государство, — А. В. Карташовъ. (Запись устной бесѣды)	6
Пути Движенія и Россія, очеркъ II, — В. В. Зѣньковский	9
Этюды о русской культурѣ, Чайковский, Тургеневъ, Толстой (продолженіе) — В. Н. Ильинъ	13
Апологетическія замѣтки (продолженіе)	19
Демократизмъ или соборность, — Д. Буковский	24
Христiанскій Западъ на распутьи, — Н. Зерновъ	25
Религіозно - Педагогическій сѣздъ въ Ревель	29
Жизнь Движенія	32

1 Іюня 1931 г. Парижъ.

Среди большихъ и сложныхъ вопросовъ религиозной жизни вообще, культурнаго и національнаго строительства въ частности, первымъ и существеннымъ, несомнѣнно, является вопросъ о мѣстѣ, роли и смыслѣ Церкви въ жизни и дѣятельности государства. Вокругъ того или иного рѣшенія этого вопроса и сейчасъ разыгрываются страсти. Когда придется рѣшать вопросъ не теоретически, а практически, онъ грозитъ разыграться еще сильнѣе. Между тѣмъ церковное строительство прежде всего и больше всего требуетъ духа любви и мира, само есть и любовь и миръ. Поэтому первое и существенное условіе при рѣшеніи этихъ вопросовъ **подвигъ** храненія «единенія духа въ союзѣ мира», подвигъ уваженія къ чужой правдѣ, хотя бы она была прямо противоположна нашей. Прежде всего и раньше всего мы — христіане, православные, дѣти единой Церкви. И это **чувство единства, братства, сыновства** всѣхъ во Христѣ чрезъ Матерь Церковь никогда не должно выпадать изъ нашей духовной настроенности, особенно при рѣшеніи волнующихъ, болѣзненныхъ вопросовъ. Быть сыномъ Церкви, значить, быть свободнымъ, а быть свободнымъ, значить, имѣть силу любви, умѣть «носить тяготы другъ друга»: **сердцемъ** помнить, что наше **единство**, сродство въ Церкви обязываетъ къ духу пониманія, снисхожденія, любви, къ осуществленію того, чтобы всѣ были едины.

Въ этомъ № Вѣстника мы помѣщаемъ запись бесѣды проф. А. В. Карташова по вопросу о томъ, какъ должны строиться отношенія между Церковью и государствомъ. Помѣщая эту бесѣду, мы только **ставимъ** этотъ большой и сложный вопросъ, призываемъ къ работѣ надъ уясненіемъ его, надъ исканіемъ путей такою разрѣшенія этого вопроса, чтобы это рѣ-

шеніе вело къ **величію и славѣ** Церкви. Церковь есть **новое бытіе** человечества, возрастающее таинственное тѣло Христова, осуществленная и осуществляемая вѣчная жизнь, вѣчная и совершеннѣйшая правда въ условномъ, временномъ, земномъ. Церковь есть вѣчно живой организмъ, живущій по инымъ законамъ, чѣмъ живетъ все мірское. Церковь не «одна изъ цѣнностей», она выше всѣхъ цѣнностей. Нація, государство, родина, всѣ другія цѣнности, какъ бы существенны, значительны онѣ ни были, — не соизмѣримы съ Церковью. Онѣ предпоследнія цѣнности; Церковь же послѣдняя и совершеннѣйшая Владычица всѣхъ цѣнностей. Она начинаетъ рядъ цѣнностей, открываетъ ихъ вѣчный смыслъ, устанавливаетъ достоинство, важность, іерархію цѣнностей, но сама Она внѣ ряда цѣнностей, не сливается ни съ одною изъ нихъ. Среди измѣняющагося многообразія жизни Церковь пребываетъ все освѣщающимъ и согревающимъ, все питающимъ «солнцемъ» вѣчности. Церковь — тѣло Христово, Богочеловѣческой организмъ! Ради Нея и созданъ міръ. Она всегда самоцѣль и никогда не можетъ быть средствомъ, орудіемъ для другихъ цѣлей, какъ бы существенны и значительны онѣ ни были.

Отдѣленіе Церкви отъ государства, понимаемое въ религиозномъ смыслѣ, и есть именно утвержденіе, какъ основнаго принципа всякой дѣятельности, того, что Церковь всегда самоцѣль, что Она всегда и во всемъ должна быть величайше независима: въ своей жизни, въ своемъ устроеніи, въ своемъ служеніи Она должна быть совершенно свободной отъ подчиненія инымъ цѣлямъ, инымъ задачамъ, кромѣ Ея собственныхъ, вѣчныхъ.

Первородство церкви, теоретически многими признается, но практически тотчасъ же приносится въ жертву задачамъ, хотя

и высокоимъ, но не церковнымъ. Церковь превращается въ служебное орудіе, въ существенную, но вспомогательную часть другого организма или организаци, — будь то нація, государство или еще что-нибудь. Предшествующая исторія понизила, почти погасила сознание **царственного** достоинства св. Церкви, сознание того, что Она—Невѣста Христа —Царя. Она должна царствовать, царствовать не въ мірскомъ смыслѣ принужденія и меча, а въ смыслѣ духовной настроенности, жизненнаго исповѣданія каждымъ вѣрующимъ, что **ничто** въ мірѣ не можетъ быть равно Церкви, что Она **Царица Цариць..** Она освящаетъ и преображаетъ государство, но всегда государство должно оставаться только **второй** цѣнностью, имѣющей временный смыслъ, временное значеніе. Она освящаетъ и одухотворяетъ націю, родину, раскрываетъ **вѣчный** смыслъ ихъ, указываетъ пути къ осуществленію этого смысла, но Сама **превыше** и больше націи, родины, народа. Каждый долженъ быть сначала православнымъ, церковнымъ человѣкомъ,

а потомъ уже русскимъ, грекомъ, сербомъ. Каждый долженъ быть прежде всего слугою и сыномъ Церкви, а потомъ уже монархистомъ, республиканцемъ, анархистомъ. Таковъ смыслъ религіознаго отдѣленія Церкви отъ государства. Въ какія бы формы не отлились отношенія Церкви и государства, руководящимъ и основнымъ для насъ должно быть именно **жизненное утвержденіе духовнаго первородства, царственного** достоинства Невѣсты Христовой, борьба за свободу и независимость Церкви. Исповѣданіе того, что все земное не достойно Церкви, **служебно** по отношенію къ ней, и трудъ и подвигъ надъ осуществленіемъ примата Церкви во всемъ — нашъ долгъ и путь Движенія.

**

Въ статьѣ В. Н. Ильина «Этюды о русской культурѣ»—этудь IV (Вѣстникъ № 5 Май) — вкралось досадное **искаженіе**: Ницше... «Рожденіе трагедіи **изъ «духа музыки»** (напечатано же (стр. 10) «изъ духа жизни»).

Бесѣда о кротости

(Св. Іоанна Златоуста).

Всѣ вы, я думаю, хорошо знаете, что благоразумнымъ слушателямъ Слова Божія надлежитъ имѣть добрые нравы и вести добродѣтельный образъ жизни. Тѣмъ особенно и отличаются рабы Христовы отъ незнающихъ истины, что они имѣютъ доброту души и ведутъ жизнь, достойную своей правой вѣры. Рабъ Христовъ болѣе познается по кротости своего нрава, нежели по имени, которое дали ему родители. Богъ любитъ родъ человѣческой не столько за дѣвство, за постъ, за презрѣніе богатства, за готовность простирать руку помощи нуждающимся, сколько за кротость и скромность нравовъ. И самая го-

товность помогать нуждающимся происходитъ во всѣхъ любящихъ Христа, не отъ чего иного, какъ отъ ихъ доброты, и какъ потоки изъ родниковъ, такъ и попечительность о бѣдныхъ проистекаетъ изъ кротости нравовъ. Ибо всякій смиренный и кроткій легко склоняется къ человѣколюбію и не можетъ оставить безъ вниманія находящихся въ бѣдности, считая бѣдность другихъ собственнымъ несчастіемъ. Зависть хуже всего; а человѣкъ добрый и кроткій не допускаетъ въ душу свою этой злой болѣзни, но, видя своихъ братьевъ благоденствующими, онъ сорадуется и соутѣшается, считая благоденствіе

другихъ собственнымъ благоденствіемъ, и почитая все общимъ у друзей, сорадуется имъ въ счастья и сострадаетъ въ несчастіяхъ. Кроткій есть отецъ сиротъ, защитникъ вдовъ, покровитель бѣдности, помощникъ притѣсняемыхъ, всегда защищающій справедливое. Когда случится людямъ враждовать между собою, то кротость судьи располагаетъ быть кроткими и тѣхъ, которые легко приходятъ въ негодованіе и гнѣвъ. Другіе же, стараясь явиться примирителями враждующихъ, не могутъ внушить къ себѣ такого уваженія. Здѣсь нужно замѣтить, что Христосъ только объ однихъ мирныхъ по образу говорить, что они — «сыны Божіи» (Матѣ. 5, 9). Почему же однимъ кроткимъ Онъ усвоилъ свое собственное названіе? Потому, что одинъ только тотъ, кто становится для другихъ виновникомъ дружбы и мира, по возможности подражаетъ Сыну Божію. Ибо, какъ Онъ Богъ и Господь всѣхъ, явившись намъ въ Божественной Своей плоти, примирилъ съ людьми святыхъ ангеловъ, которые были какъ бы враждебны имъ, — такъ и человекъ добрый братьевъ, родственниковъ и близкихъ, враждующихъ между собою, убѣждаетъ повиноваться законамъ Божиимъ и, оставивъ вражду, любить другъ друга по заповѣди Божіей. Подлинно, что жили въ тѣлахъ нашихъ, то же добрый человекъ въ домѣ, въ Церкви и въ городѣ. Ибо и Павелъ обыкновенно называетъ братію тѣлами и «членами другъ друга» (Ефес. 4, 25). Посему тотъ, кто водворяетъ дружбу между раздѣленными и ссорящимися, поступаетъ по слову Павла, убѣждая всѣхъ не пренебрегать членами и не пожирать другъ друга. Такимъ образомъ, справедливо сказано, что виновникъ мира между братьями, соединяющій и скрѣпляющій раздѣленныхъ и ссорящихся, имѣетъ такую же силу въ Церкви, въ домѣ и въ городѣ, какую жили имѣютъ въ тѣлахъ. А такую силу надъ другими каждый пріобрѣтаетъ тогда, ко-

гда онъ первый является кроткимъ въ жизни; напротивъ — кто легко приходитъ въ гнѣвъ, тотъ показался бы смѣшнымъ для другихъ, если бы сталъ усмирять гнѣвающихся. Ибо что можетъ быть хуже людей, раболѣпствующихъ гнѣву? Кто, видя подобнаго человека, не отвращаетъ своихъ глазъ? Человекъ гнѣвливыи не пріятель для встрѣчающихся не пріятель и для сосѣдей; и если онъ нуждается въ деньгахъ, то нескоро найдетъ кто бы облегчилъ его бѣдность; онъ — общій врагъ и согражданинъ и чужихъ; онъ кричитъ и поднимаетъ вопль; произноситъ слова, которыя можно говорить и которыхъ не должно творить; у него взглядъ смутный, лицо надутое, языкъ неистовый, руки легко бросаются на все; онъ дѣлаетъ свойственное бѣсамъ. Гнѣвъ — добровольное бѣснованіе, самопроизвольное бѣшенство, отсутствіе разсудка; гнѣвающійся — игрушка діавола, орудіе бѣсовъ, достойный слуга ихъ злобы. Благоразумнымъ людямъ должно предупреждать эту болѣзнь, и прежде, нежели приходитъ въ гнѣвъ, удерживать душу и прекращать гнѣвъ внушеніями Писанія. «Всякое раздраженіе, — говоритъ Апостолъ, — и гнѣвъ, и крикъ и злорѣчіе со всякою злобою да будутъ удалены отъ васъ. Но будьте другъ къ другу добры, сострадательны, прощайте другъ другу (если кто имѣетъ на когс неудовольствіе), какъ и Богъ во Христѣ простилъ васъ. Итакъ, подражайте Богу» (Ефес. 4, 31-32; 5, 1). Видите-ли какъ въ кроткѣй? Чьимъ называется онъ подражателемъ? Не ангеловъ, не архангеловъ, но Владыки всѣхъ. Богъ свыше видитъ и слышитъ все, равно какъ и совершаемыя на землѣ словомъ и дѣломъ многія преступленія. Бываютъ люди, доходящіе до такой степени нечестія, что хулятъ Бога, когда испытываютъ какую-нибудь неудачу въ дѣлахъ и, взирая на небо, не удерживаются ни отъ какихъ словъ; но Богъ терпитъ, и, хотя имѣетъ столь ве-

ликую силу наказать нечестивыхъ, не наказываетъ ихъ. Если бы всѣхъ согрѣшающихъ Богъ наказывалъ, то было бы весьма мало спасающихся, и живыхъ не достало бы для погребенія (умирающихъ). Посему — и говоритъ Давидъ: «Аще беззаконія назриши, (будешь замѣчать), Господи, Господи, кто постоитъ (устоитъ)? яко у Тебе очищеніе (прощеніе) есть» (ПС. 129, 3). А теперь Богъ и тѣмъ самымъ показываетъ Свое человеколюбіе, что еще не наказываетъ по справедливости. Итакъ, кто хочетъ удостоиться Богу, тотъ пусть будетъ кроткимъ и тихимъ, сколько возможно человеку; и пусть великодушно переноситъ, когда подвергается какому-нибудь оскорбленію отъ другихъ. «Любите враги ваша. — говоритъ Господь, — добро творите ненавидящимъ васъ, молитесь за творщихъ вамъ напасть и изгонящихъ вы, да будете подобны Отцу вашему, иже есть на небесѣхъ: яко солнце Свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и на неправедныя» (Лук. 6, 28; Матѣ. 5, 44, 45). Много добродѣтелей, которыя свойственны христіанамъ, но больше всѣхъ — кротость, ибо только однихъ, сіяющихъ ею, Христосъ называетъ «подражателями Богу». Посему — намъ должно, когда кто оскорбляетъ насъ или бьетъ, или причиняетъ какую-нибудь обиду, переносить все мужественно, съ покойною душою, помня, что кротость дѣлаетъ насъ подражателями Богу. Ибо и Самъ Владыка и Спаситель нашъ, подвергаясь оскорбленіямъ, принимая удары, бывъ пригвождаемъ и распинаемъ, кротко переносилъ неистовство іудеевъ, и имѣя такую силу наказать нечестивыхъ, не наказывалъ. Итакъ, когда ты, подвергаясь какому-нибудь тяжкому и невыносимому оскорбленію, станешь приходить въ гнѣвъ и ярость, то вспомни кротость

Христову, и тотчасъ сдѣлаешься тихимъ и кроткимъ, и не только самъ получишь величайшую пользу отъ кротости, но доставишь пользу и врагу, и научишь его быть добрымъ. Кто желаетъ побѣждать гнѣвающихся, тотъ пусть великодушно переноситъ оскорбленія и удары, и увидитъ великую перемѣну въ озлобленномъ и бьющемъ; а если ты и самъ, предавшись гнѣву, будешь стараться воздать врагу тѣмъ же, то никогда не будетъ конца гнѣву и враждѣ.

Мы знаемъ, что изъ многихъ великихъ дѣлъ, украшающихъ жизнь праведниковъ, больше всего дѣлаетъ мужей славными то, если они ведутъ жизнь добрую и кротко обращаются съ обидчиками. Такъ Моисей, кротко перенося неистовство іудеевъ и молитвами спасая своихъ враговъ, удостоился небесной славы и чести выше другихъ и названъ «другомъ Божиимъ». Такъ — Давидъ, щадя враговъ и противниковъ, пріобрѣлъ себѣ великое благоволеніе и любовь Божию. Такъ — и Павелъ и Петръ, достигшіе до высоты небесной за свою добродѣтельную жизнь, болѣе другихъ добродѣтелей просіяли кротостью, воздавая честь словившимъ ихъ, благодворя врагамъ, часто своими молитвами спасая побивавшихъ ихъ камнями. Также — видя и Стефана, молящагося за враговъ среди опасностей за благочестіе, мы удивляемся столько же его кротости, сколько и его подвигамъ.

Итакъ, по справедливости, должно послѣдовать этимъ святымъ и поставить ихъ образцомъ своей жизни, чтобы, просіявъ всякими добродѣтелями, мы могли получить обѣтованныя блага отъ великаго Бога и Спасителя нашего, чрезъ Котораго и съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, всякая слава, честь и держава во вѣки вѣковъ. Аминь

Церковь и государство *)

Вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству можетъ быть рѣшаемъ съ разныхъ точекъ зрѣнія, съ разными подходами, даже самая постановка вопроса можетъ быть различна. Предлагаемыя мысли являются попыткой намѣтить чисто прагматическое рѣшеніе вопроса, подойти къ нему, какъ къ вопросу о достойномъ, цѣлесообразномъ устройствѣ Церкви въ **данное время**, въ **данной** обстановкѣ, применительно къ **даннымъ** практическимъ потребностямъ Русской церкви. Измѣнятся обстоятельства, условія, обстановка — можно искать и другихъ рѣшеній вопроса.

Вступая въ область церковную, мы вступаемъ въ область консервативную по преимуществу. Церковь, творя дѣло Христово, естественно, осгорожна, осмотрительна: перемѣны въ Ней совершаются медленно, въ вѣкахъ, безъ торпливости. Поспѣшность въ соціальной области вообще не всегда удобна въ церковной же области, по преимуществу; перемѣны можно производить только тогда, когда это уже, дѣйствительно, сломалось въ самой жизни, опредѣленно измѣнилось.

Переломъ, происшедшій въ русской церковной исторіи, настолько значителенъ и глубокъ, что до извѣстной степени можно сказать, что сейчасъ приходится строить почти на пустомъ мѣстѣ. Вопросъ о формѣ новыхъ отношеній Церкви къ государству, задача нахождения образа Ея существованія въ новыхъ условіяхъ поставлены передъ нами рѣшительно.

Востокъ завѣщаль намъ теорію симфо-

ніи,—гармоническаго сосуществованія, согласнаго взаимосоудѣствующаго сожитія государства и церкви. Въ теоріи симфоніи признавалась самостоятельность природы церкви и государства, и потому отрицалась возможность ихъ унификаціи сведенія въ одно. Теорія симфоніи исключала какъ папизмъ католичества (папа, какъ глава не только Церкви, но и свѣтскаго государства, притязанія Церкви на мірское государственное), такъ и цезаризмъ протестантизма (свѣтская власть въ качествѣ верховнаго судьи и вождя по отношенію къ церкви — система «территоріализма»).

Симфонія была осуществлена въ формѣ муропомазанной монархіи. Переломъ, совершившійся на нашихъ глазахъ, крушеніе русской монархіи, свидѣтельствуется уже о неудовлетворительности этой формы монархіи, какъ формы симфоніи, формы единственной, неповторимой. Сущствующее положеніе обязываетъ, по видимому, готовиться къ какой угодно формѣ устройства государственной власти, но только не къ формѣ помазанной монархіи. Тѣмъ болѣе, что если въ силу тѣхъ или другихъ условій, такая монархія возродится, можно будетъ сравнительно легко использовать опытъ прошлаго. Но исторія кажется, готовить иное; сочетаніе церкви и государства въ ризахъ православной государственности врядъ ли повторится, такъ какъ ясно, что природой современнаго государства, даже монархическаго, стало свѣтское начало. Если и будетъ монархія, она, вѣроятно, будетъ конституціонной, свѣтской. Вручать ей судьбы Церкви невозможно. Въ старой формѣ помазанной монархіи Церкви было тѣсно, неудобно, а въ новой—православной государственности и вовсе нѣтъ мѣста — никакому мини-

*) Статья представляетъ запись устной бесѣды проф. А. В. Карташова, передававшей содержаніе его особаго доклада на эту тему, которой будетъ напечатанъ въ другомъ мѣстѣ.

стерству или парламенту нельзя преподавать помазание.

Какія же при этихъ условіяхъ должны быть связи Церкви съ государствомъ? Только утилитарныя?

Церковь въ свое время много испытала отъ своей связанности къ государствомъ, даже въ формѣ воцерковленной монархіи. Деспоты Византіи властно вмѣшивались во внутреннюю жизнь Церкви, въ догматическіе споры, часто рѣшительно подчиняли дѣло Церкви интересамъ государства. Исторія арианства, монофиситства, моноелитства и иконоборческихъ гоненій знаетъ черезчуръ много случаевъ такого насильственного вмѣшательства императорской власти въ самое существенное въ церковной жизни. Въ Русской церкви мѣры административно-полицейскаго вмѣшательства государственной власти во внутреннюю жизнь церкви почти до отмиранія ослабили стихію соборности, какъ стихію самоуправляющуюся, связывали Церковь во всѣхъ проявленіяхъ ея жизни. Нѣтъ числа горькимъ иллюстраціямъ. Церковь начинаетъ бороться съ пьянствомъ, — министерство финансовъ протестуетъ, такъ какъ винная откупная торговля является однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода государственной казны. Изъ проповѣдей надъ плашаницей цензоры вычеркивали добрую половину подъ предлогомъ, что слова проповѣдника о книжникахъ и фарисеяхъ, о судѣ Пилата «задѣваютъ сословія» и т. д. Въ качествѣ основной причины неудовлетворительнаго положенія Русской церкви часто называютъ церковныя реформы Петра Великаго. Но и помимо ихъ, симфоническое сосуществованіе Церкви съ государствомъ, даже при добрыхъ отношеніяхъ, съ необходимостью таитъ въ себѣ рядъ неустрашимыхъ трудностей и неудобствъ. Изъ благихъ намѣреній выросло, на примѣръ, то уродливое положеніе, когда пастыри церкви награждались митрами, крестами, орде-

нами изъ Кабинета Его Величества непосредственно свѣтской властью. Въ послѣднее время къ этому такъ привыкли, что ничего уже и страннаго въ этомъ не чувствовали. А прежде, когда впервые начали награждать іерарховъ лентами и орденами, то выдающіеся іерархи плакали отъ оскорбленія, видя въ этомъ смѣшеніи свѣтскаго и духовнаго порядковъ новое униженіе Церкви.

Положеніе Церкви даже въ государствѣ православномъ, даже въ православной монархіи было таково, что, настрадавшись, можно сказать — пусть ужъ лучше Церковь существуетъ безъ государства, пусть церковная жизнь устраивается (каково бы ни было новое государство) на основѣ отдѣленія Церкви отъ государства.

Сейчасъ въ эмиграціи приходы сами содержатъ епископовъ, строятъ храмы, организуютъ приходскую жизнь. А въ Россіи, въ нищетѣ и гоненіяхъ, народъ самъ поднималъ на своихъ плечахъ всю экономическую жизнь Церкви. Раньше не повѣрили бы этому!

Русская церковь должна явить не только образъ церкви свободной отъ государственной зависимости и опеки, но вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ Церкви, свободной отъ узкаго націонализма, въ которомъ Западъ справедливо упрекаетъ Востокъ. Если Русская церковь будетъ свободна отъ государства, она, въ качествѣ независимаго духовнаго вождя общества, духовнаго гегемона, вырастетъ въ силѣ и вліяніи на всю жизнь и культуру націи.

При рѣшеніи вопроса о типѣ отношеній между Церковью и государствомъ нужно особое вниманіе обратить на перерожденіе природы государства. Государство сузилось: роль отца и учителя своихъ гражданъ, которую государство прежде включало въ составъ своихъ функций, отошла отъ него и перешла къ обществу, націи, органамъ самоуправле-

нія. Государство свелось, главнымъ образомъ, къ аппарату политическому и военному. Сфера дѣятельности Церкви должна быть измѣнена соответственно ясно опредѣлившейся эволюціи общественно - государственныхъ отношеній. Средоточіе жизни націй въ обществѣ: здѣсь свобода мнѣній и интересовъ, свобода совѣсти, свобода инициативы къ реформамъ духа и матери; здѣсь средоточіе духовной жизни націй, здѣсь Церковь можетъ смѣло проводить свою строгую евангельскую критику и свою власть слова и дѣйствія.

Отдѣленіе Церкви отъ государства произошло по мотивамъ антирелигіознымъ. Поэтому лозунгъ звучитъ какъ безбожно - радикальный. Между тѣмъ, необходимо его понять религіозно — ютъ дворцовъ, отъ орденовъ, — въ низины народной жизни.

Вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству не догматическій, а тактичeskій. Англиканскую церковь стѣсняетъ государство, но это государство принципиально не враждебно Церкви, а поэтому англиканская церковь терпитъ, и не рветъ съ государствомъ. Въ Россіи въ краткій періодъ Временнаго Правительства отношенія между Церковью и государствомъ опредѣлялись принципомъ свободы всѣхъ исповѣданій въ правовомъ внѣконфессіональномъ строѣ. Это было не «отдѣленіе», но «отдаленіе» отъ государства, намѣчалась программа «культурнаго сотрудничества церкви съ государствомъ». Программа была предложена профессорами юридическихъ наукъ, отчасти членами кадетской партіи, участвовавшими въ работахъ предсоборнаго Присутствія. Программу еще не успѣли отшлифовать въ Петербургѣ, — какъ пришлось въ маѣ 1917 г. спѣшно представить ее на происходившій въ это время въ Москвѣ съѣздъ конституціонно-демократической партіи. Программа была проведена на съѣздѣ покойнымъ П. И.

Новгородцевымъ. Созданная тогда теорія культурнаго сотрудничества Церкви съ государствомъ сейчасъ — въ качествѣ программы для ближайшаго будущаго — не можетъ быть реальной. Трезвый учетъ существующей обстановки въ качествѣ наиболѣе цѣлесообразнаго рѣшенія диктуетъ отдѣленіе Церкви отъ государства. Этого требуетъ не только мужественная оцѣнка современнаго положенія, но и особая роль, выпадающая на долю Русской Православной Церкви, какъ аванпоста въ судьбахъ Православія.

Отдѣленіе Церкви отъ государства въ конституціонномъ отношеніи означаетъ выходъ Церкви изъ союза съ государствомъ, въ которомъ Церковь, какъ ласточка, положила голову въ пасть крокодила. Церковь начинаетъ жить такъ, какъ живутъ общества, которыя живутъ, часто борясь съ своимъ государствомъ. Церковь выходитъ на положеніе самоуправляющагося общественнаго союза въ правовомъ государствѣ.

Опорой Церкви должны быть вѣрующіе, общество вѣрующихъ.

Практически осуществить отдѣленіе Церкви отъ государства очень трудно. Природа Церкви теократична, и Церковь всегда будетъ искать цѣлостнаго воплощенія идеала теократіи. Программа отдѣленія Церкви отъ государства ничего не измѣняетъ въ природѣ церкви, въ существѣ ея отношеній къ жизни. Старая форма воплощенія теократическаго замысла не удалась — привела къ тому, что Церковь оказалась плѣнницей государства. Въ своей теократической задачѣ Церковь и сейчасъ ни отъ чего не отдѣляется. Она хочетъ цѣлостно всѣмъ властвовать, но вмѣстѣ съ тѣмъ, она хочетъ вырваться изъ плѣна государства, чтобы царствовать духовно и надъ самимъ государствомъ своими собственными силами. Пршшлое благословенно, какъ опытъ теократической формы и національнаго воспитанія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя забы-

вать и того состоянія «паралича», въ какомъ была Церковь, плѣненная государствомъ. И слава Богу, что это отжило. Сейчасъ нужно говорить о задачѣ новаго устроенія Церкви въ измѣненной обстановкѣ, настойчиво звать церковное сознание къ новой работѣ. Многое, конечно, еще нельзя предвидѣть. Мы не «сіонскіе мудрецы», чтобы все расписать на десятки лѣтъ впередъ, но такъ какъ мы не умѣли предвидѣть, то «сіонскіе» и всякіе иные мудрецы насъ и обошли. Нужно имѣть нѣкоторую теорію, чтобы въ критическую минуту не было растерянности, а для этого необходимо, чтобы мы знали, какъ дѣйствовать, къ чему вести. На нашихъ глазахъ іерархи государственныхъ новообразованій (Польша, Литва, Латвія, Эстонія), растерявшись передъ вставшей передъ ними проблемой устроенія Церкви въ новыхъ условіяхъ, наивно укрылись подъ крылышкомъ чужихъ свѣтскихъ государствъ. Это вызвало цѣлый рядъ ненормальностей въ церковной жизни — насильственное введеніе новаго стиля, произвольный путь подчиненія Константинопольскому патріарху и т. д. Этого мы должны избѣжать.

Въ церковномъ обществѣ одной изъ основныхъ силъ всегда былъ и будетъ консерватизмъ, но консерватизмъ, къ несчастью, часто перерождается въ слѣпую инерцію, готовую сломать кости жизнен-

но-творческому теченію, недостаточно еще окрѣпшему. Нужно разъяснять, писать о томъ, каково было положеніе Церкви въ періодъ ея нахождения въ плѣну у государства, какія глубокія внутреннія перерожденія испытало въ связи съ этимъ церковное сознание. Нужно пробуждать сознание значенія Церкви, самой по себѣ, безъ государства, копить ея силы, нужно за это бороться.

Въ свое время покойному патріарху Тихону былъ представленъ законопроектъ объ организаціи отношеній между Церковью и государствомъ, составленный въ качествѣ програмнаго для «Управленія вооруженными силами на Югѣ Россіи» ген. Деникина. Патріархъ выслушавъ, грустно засмѣялся... «Вашими устами да медъ пить... Когда то эта идея осуществится?» Онъ былъ мудре насъ и предвидѣлъ дальше чѣмъ мы. Потому-то онъ и отказался благословить бѣлый фронтъ. Онъ предвидѣлъ неизбежную потребность отдѣленія Церкви отъ государства, сознавалъ, что — для данного періода — мечта объ иномъ устроеніи церковной жизни является церковно-общественной маниловщиной. Святѣйшій патріархъ былъ человекомъ народа, трезваго практическаго чутья, и зналъ, что большевицкая канитель всерьезъ и надолго, и дѣлать съ такимъ государствомъ Церкви нечего.

Пути движенія и Россія

II*).

Когда я думаю о работѣ нашего Движенія въ будущей Россіи, я не рисую себѣ никакихъ идиллій. Насъ ждетъ въ Россіи трудная, чрезвычайно отвѣтственная работа, ждетъ борьба, непониманіе,

внѣшнія и внутреннія трудности. Съ этой точки зрѣнія наша работа здѣсь въ эмиграціи пріобрѣтаетъ исключительное значеніе, какъ нѣкоторый «практикумъ», дающій возможность накопить извѣстный опытъ; отдать себѣ отчетъ въ нашихъ дефектахъ, осмыслить руководящія идеи. Ес-

*) См. «Вѣстникъ» 1931. № 1.

ли бы мы всё глядѣли на работу въ Движеніи именно какъ на подготовку къ будущей работѣ въ Россіи, для насъ многое въ Движеніи предстало бы въ иномъ свѣтѣ. Сколько ненужныхъ недоразумѣній, порой фатально встающихъ передъ нами, окружаетъ нашу работу и здѣсь, въ эмиграціи! Этихъ недоразумѣній въ Россіи будетъ не меньше, а больше.

Но именно потому намъ необходимо теперь же столковаться, чтобы избѣжать трудностей внутри насъ самихъ. Дѣло идетъ не объ «идеологию» Движенія, а о конкретныхъ цѣляхъ его и путяхъ. Въ настоящей статьѣ я и хотѣлъ бы коснуться бѣгло нѣсколькихъ вопросовъ, имѣющихъ совершенно конкретный характеръ и связанныхъ съ путями Движенія въ будущей Россіи.

1. Объединяя вѣрующую молодежь и привлекая къ вѣрѣ тѣхъ, кто ее утерять, мы должны твердо помнить, что успѣхъ нашей миссіонерской работы будетъ очень сильно зависетьъ отъ того, насколько сумѣемъ мы проникнуть въ самую «гущу» жизни. Было бы величайшимъ несчастіемъ для насъ, если бы мы остались какой то «духовно - аристократической» кучкой, развивающей у себя глубокую внутреннюю жизнь, но не умѣющей сходить съ этихъ высотъ для того, чтобы идти въ тѣ слои, которые социально и духовно чужды намъ. Еще до войны, а особенно теперь сейчасъ прокладывается въ Россіи баптистами и евангелистами удобная колея духовнаго минимализма, которая привлекаетъ къ себѣ не только простотой, но и упрощенностью, не только ясностью, но и непосредственной практичностью. Духовный голодъ въ среднихъ слояхъ городского населенія очень великъ, духовные запросы у нихъ серьезны и глубоки, — и православному Движенію есть что дать молодежи этихъ круговъ. И если баптизмъ и евангелизмъ духовно ограничены, привлекаютъ своимъ минимализмомъ, то они

въ то же время отвѣчаютъ глубокой потребности народной души въ **явленномъ христіанствѣ**, въ жизненномъ воплощеніи началъ христіанства. Русская душа остается и нынѣ мистической, и она хочетъ видѣть въ христіанствѣ силу и творческое начало, хочетъ социальнаго, даже историческаго выявленія правды Христовой, а не только закрытой внутренней жизни. Сознвая эту, мы должны особенно глубоко чувствовать то, что передъ нами, какъ православными, открывается огромная задача явить творческую силу Православія. Охраняя въ себѣ все богатство и глубину Православія, справедливо боясь его упрощенія или чего то номинальнаго его участія въ строеніи русской жизни, мы должны реально и дѣйственно осуществлять православную культуру.

Борьба за Православіе, за его правду и силу будетъ идти въ Россіи именно по линіи христіанской культуры. Это означаетъ, если угодно, извѣстное духовное книженіе, но такова наша эпоха. Она ищетъ — говорю о широкихъ слояхъ не только народныхъ, но даже интеллигентскихъ — не отрѣшенной мистической жизни, но цѣлостнаго, сильнаго въ жизни, творческаго на путяхъ культуры христіанства. Тутъ не все примитивно, не все «прагматично» — тутъ есть новая и здоровая цѣлостность. Правда, эта цѣлостность покупается такъ часто цѣной упрощенности и примитивизма, — но въ томъ то и выступаетъ **наша** задача, какъ Движенія православнаго, какъ силы церковной, что мы должны создавать живой и дѣйствительный синтезъ Православія и творческой жизненной силы. И, конечно, — прежде всего, въ насъ самихъ мы должны явить этотъ синтезъ вѣры и творчества, церковности и жизненной силы. Огнемъ вѣры должны быть зажжены наши сердца, внутреннимъ дѣланіемъ должна питаться наша душа, подлинной и глубокой церковностью должна опредѣляться

наша жизнь, а въ то же время мы должны идти къ тому, чтобы становиться хозяевами русской жизни.

Школа, социальная жизнь, разныя формы духовнаго творчества—все это должно въ нашей работѣ являть жизненную правду вѣры, воплощать духъ нашей церковности. Это не есть отходъ отъ существа нашего Движенія — а наоборотъ: Церковь есть для насъ путь личной жизни, источникъ религіозной силы, но она есть и основа всей культуры, проводникъ въ жизнь вѣчной правды.

2) Нельзя отдѣлять въ путяхъ нашего Движенія чисто религіозной стороны отъ религіозно - культурной: одно безъ другого немыслимо, одно отъ другого неотдѣлимо. Вся историческая значительность нашего Движенія для русской жизни только въ томъ и состоитъ, что по линіи Движенія, по его путямъ должно совершаться постоянное и творческое сочетаніе церковности и реальной жизни, вѣры и социальной дѣйствительности. Мы не можемъ рассчитывать на государственное содѣйствіе въ нашей работѣ, мы должны бояться всякаго внѣшняго декретированія въ дѣлѣ развитія началъ церковности въ русской жизни. Нашъ путь совсѣмъ иной — и это нужно очень отчетливо и ясно сознавать. Какъ государство Россія будетъ долго идти по путямъ секулярной, нейтральной культуры — и мы сами должны желать не государственнаго, а социального торжества православной культуры, не внѣшняго и правового утвержденія священныхъ ея идей, а живого собранія творческихъ силъ Православія на путяхъ реального преобразенія жизни. Насаждать островки православной культуры, привлекать къ нимъ живыя сердца и творческія души, идти въ толщу городской массы, къ народу, проникать въ школы, въ социальную жизнь, зажигать новымъ вдохновеніемъ дѣятелей культуры и все это изнутри, не подлинно, свободно,

но глубоко связывать съ Церковью, быть вообще пионеромъ въ дѣлѣ созиданія церковной культуры — таковъ путь Движенія.

Движеніе должно отчетливо сознавать эту безмѣрную задачу и смѣло и творчески ее осуществлять. Это не самомнѣніе, не самовозвышеніе: сама жизнь требуетъ отъ насъ идти указаннымъ путемъ. Мы не можемъ отрѣшенно развивать въ себѣ религіозную силу — ибо отрѣшенно и нельзя ее развивать; мы не можемъ всю дѣйствительность, исходящую отъ религіозной жизни въ насъ, сводить къ личной, индивидуальной христіанской работѣ. Уже сейчасъ, въ эмиграціи, при всей стѣсненности и убогости нашихъ условій, мы вышли на путь социальной работы, — и какъ ни робки, ни слабы наши первые шаги они убѣждаютъ насъ во внутренней правдѣ открывшагося пути. Кто прикасается къ русской молодежи, тотъ не можетъ не сознавать, что она ждетъ духовной помощи отъ тѣхъ, кто знаетъ, куда ее вести и чѣмъ ее одушевить. Но между нами и молодежью часто стоятъ такія преграды, что нужно много духовной силы, вѣры въ свое дѣло, живой любви къ молодежи, чтобы не надломиться въ такой работѣ. Мы хотимъ приблизить молодежь къ Церкви — но это значитъ, что мы должны войти въ миръ молодежи, явить ей въ насъ самихъ правду и жизненность Церкви.

А въ будущей Россіи вся эта работа будетъ имѣть рядомъ съ собой побѣдныя завоеванія духовнаго минимализма, торжествующаго реализма.. Наша работа будетъ не только трудна, она часто будетъ казаться утопической, нежизненной — а между тѣмъ на въ чѣмъ такъ не будетъ нуждаться фактически русская жизнь, какъ именно въ созданіи островковъ православной культуры, которые могли бы не на словахъ, а на дѣлѣ раскрыть новый, долгожданный путь для русской жизни.

3) Во всей этой предстоящей работѣ

намъ нужны будутъ сильные люди, могущіе сочетать религіозную глубину съ жизненной трезвостью, способность зажигать вѣрой сердца съ умѣніемъ воплощать въ общественныя формы тѣ или иныя идеи. Для того, чтобы намъ собирать кругомъ себя молодежь, создавать творческое движеніе, пролагать новые пути жизни — для этого нужны и подлинная вѣра, и богословская подготовка, и широкой идейный кругозоръ, — но не менѣе важно умѣнье работать съ людьми, умѣнье привлекать къ себѣ, способность организационно закрѣплять и развивать тѣ связи и отношенія, которыя создаются въ процессѣ работы. Соціальная жизнь требуетъ отъ тѣхъ, кто хочетъ активно входить въ нее, определенной **соціальной техники**, умѣнья осуществлять и охранять тѣ начинанія, которыя рождаются изъ вдохновенія души. Еще Некрасовъ съ горечью говорилъ: «суждены намъ благіе порывы, а свершить ничего не дано». Съ того времени многому научились русскіе люди, но у насъ все же мало традицій общественной работы, мало яркихъ и одушевляющихъ примѣровъ ея. Сравнивая наше Движеніе съ другими общественными организаціями, я не могу не дать очень высокой оцѣнки именно соціальной техники въ нашей работѣ. Здѣсь намъ много помогли наши иностранные друзья какъ своимъ личнымъ примѣромъ, такъ особенно богатымъ опытомъ общественной работы въ Америкѣ и Зап. Европѣ. Но отдавая должное вѣтмъ тѣмъ цѣннымъ чертамъ въ нашемъ Движеніи, которыя относятся къ технике нашей работы, я все же долженъ сказать, что она **недостаточна** для тѣхъ исключительныхъ задачъ, которыми живетъ наше Движеніе. Я напому о томъ, что мнѣ приходилось уже говорить въ статьѣ «Организмъ или организація»: мы не можемъ быть только организаціей, мы должны реально и подлинно осуществлять въ себѣ, въ своей рабо-

тѣ и въ своихъ отношеніяхъ тотъ духъ соборности, въ которомъ прежде всего сказывается для насъ начало церковности. Намъ нужны не только стойкость, выдержка, точное и своевременное выполнение своихъ обязанностей, не только планомѣрность въ работѣ, серьезность въ постановкѣ дѣла, трезвость въ оцѣнкѣ положенія, творчество въ нахожденіи наилучшихъ нашихъ задачъ: все это нужно всякой общественной организаціи. Но намъ нужна, кромѣ этого, дѣйствительная, а не словесная, реальная, а не воображаемая **соборность**. Мы сами должны являть въ себѣ то преображеніе соціальной стихіи, котораго мы ждемъ отъ проникновенія началъ церковности въ нашу жизнь. Соборность не есть ни подавленіе индивидуальности, ни отрицаніе свободы, ни насиліе большинства, — она есть та живая связанность и солидарность, которая снимаетъ разногласія и расхожденія не черезъ уступчивость и дряблость, а наоборотъ, черезъ духовное возвышеніе надъ разногласіями и диссонансами. Сама наша работа есть творческое дѣло, чего ждемъ мы въ нашихъ общихъ чаяніяхъ. Поворя кратко, мы должны стоять на высотѣ соціальной техники — это нужно для развитія и укрѣпленія Движенія, какъ организаціи, но мы должны въ то же время оставаться живымъ и цѣлостнымъ организмомъ, **быть**, а не **казаться** только, проводникомъ духа церковности. Въ послѣднемъ счетѣ это есть вопросъ сильной и творческой личности: намъ нужна большая духовная сила, творческой порывъ, нужна большая и глубокая внутренняя жизнь. Въ глубинѣ личности совершается самый важный и таинственный процессъ преображенія соціальной стихіи, одухотворенія и освященія ея. Мы не можемъ никогда забывать этого: путь Православной культуры есть для насъ не идея только, а живая, личная задача, которую мы должны по-

стоянно и неустанно рѣшать въ себѣ. Господь зоветъ насъ къ этой огромной задачѣ, — и мы прежде всего должны ее осуществлять въ себѣ и для себя.

*
**

Я набрасываю эти мысли, не думая ими исчерпать огромной и отвѣтственной темы о работѣ Движенія въ Россіи. Наобо-

ротъ — моя задача въ томъ и была, чтобы поставить этотъ вопросъ передъ всѣмъ Движеніемъ, вызвать въ немъ работу мысли и тѣмъ содѣйствовать уясненію совершенно конкретныхъ задачъ Движенія, уже здѣсь стоящихъ передъ нами.

В. В. Зѣньковскій.

Этюды о Русской Культурѣ

Этюдъ IV.

Чайковскій, Тургеневъ и Толстой.

(Продолженіе).

Тургеневъ — писатель совсѣмъ особеннаго свойства. Онъ очень много отдалъ силъ моменту — это его прославило, правда — «моментальнымъ» прославленіемъ. Онъ написалъ много полупублицистическихъ романовъ съ довольно скоропортящейся лирикой. Изъ его крупныхъ романовъ сохранили свою художественную мощь лишь «Дворянское Гнѣздо» да «Рудинъ». Всѣ прочіе безнадежно устарѣли. Совсѣмъ иное дѣло — его мелкія вещи и стихотворенія въ прозѣ — особенно тѣ, гдѣ выступаетъ мистико-фатальный и оккультно-магическій элементъ. Эти вещи не только не устарѣли, но засіяли новымъ блескомъ — правда, часто зловѣщимъ. Мы имѣемъ въ виду такія произведенія какъ «Первая Любовь», «Призраки», «Сонъ», «Клара Миличъ», «Пѣснь торжествующей любви», «Разсказъ отца Алексѣя», «Собака», «Стукъ, стукъ, стукъ» и многія стихотворенія въ прозѣ — словомъ, всѣ тѣ вещи, которыми наша радикально-общественная критика (напр., Михайловскій) внимала и внимаемъ «ушами Мидаса» — выражаясь деликатно.

Тема здѣсь всюду въ сущности одна: мистическая гибель, либо отсрочка гибе-

ли цѣной гибели другого существа. И всюду разлита смертельная тоска, та самая тоска, которая выдѣлена «въ чистомъ видѣ» въ блестящемъ по формѣ и необычайно глубокомъ по содержанию разсказѣ «Онъ» Леонида Андреева. Лишеніе свободы, рокъ, гибель — и смертная тоска — все это въ перемежку съ магической теургіей, доходящей даже до некромантіи (вызываніе мертвыхъ, волхвованія надъ мертвецами) и эктоплазмій (появленія матеріальныхъ призраковъ). И спасенія отъ нихъ нѣтъ, ибо не только не произносится имя Сына Божія, но Оно, какъ будто, окончательно забыто. Здѣсь нельзя не вспомнить знаменитаго метапсихика Крауфорда, которымъ вслѣдствіе его занятій, связанныхъ съ погруженіемъ въ этотъ міръ, овладѣла непреодолимая тоска, закончившаяся самоубійствомъ.

По нѣскольку другому руслу идетъ фаталистическая мистика Л. Толстого. Онъ являетъ міру двѣ фатальныхъ силы: панническую стихію безликаго космоса — природы, и безликій народный «міръ», безликую социальную «простонародную» стихію — ибо Толстой самъ титулованный мужикъ и, такъ сказать, Панъ въ графьяхъ. Съ безликой стихіей гнома - му-

жичка (Кобольда?) сталкивается в своем вѣщемъ снѣ Анна Каренина и ея кошмаръ становится въ моментъ самоубійства дѣйствительностью. Это — геніальный символизмъ. Кошмаръ Анны Карениной — мистико - символическое и фаталистическое ядро всего романа. Это черное солнце, пронизывающее своими темными радіаціями гигантскія глыбы залитаго свѣтлымъ солнцемъ жизни земного реализма. Происходитъ встрѣча двухъ солнць — свѣтлаго и чернаго. И черное затмѣваетъ свѣтлое. Съ безликой соціальной стихіей сталкивается личность Наполеона и въ результатъ получается, такъ сказать Антей на выворотъ — гигантъ отъ соприкосновенія съ землей словно линяетъ, теряетъ всю свою геніальность и силу и превращается въ жалкій обсосанный огрызокъ съ насморкомъ. Дѣйствительно, «отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ». Но зато какъ великолѣпны и полны истиннаго величія Платонъ Каратаевъ и дядя Ерошка въ «Казакахъ» — оба, какъ будто антиподы, — но антиподы въ смыслѣ сѣвернаго и южнаго полюса одинаго магнита. Заставьте дядю Ерошку (Пана) философствовать — получится натуральная святость Каратаева и морально - богословскія «штучки» самого Л. Толстого. Или еще хуже: заставьте Пана - Толстого философствовать, получится что-то вродѣ «баптизма».

Но у Л. Толстого — не только «баптизмъ», «Баптизмъ» у него только «штучка», а все дѣло въ его фаталистической стихіи.

Въ Аннѣ Карениной геніально вскрытъ генезисъ зла, какъ выдумки, какъ дурной субъективной романтики. Анна (все выдумала, все накликала и, постепенно, силы внутренняго влеченія къ гибели стали ея собственнымъ внутреннимъ рокомъ. Ея имагинація, дурныя романтическія грезы вселились во Вронскаго — быть можетъ, въ порядкѣ даже внушенія, и превратились, дѣйствительно, въ его объек-

тивную холодность. Далѣе онѣ вселяются въ колеса поѣзда и становятся матеріальной реальностью и внѣшнимъ (объективнымъ) рокомъ, выраженнымъ въ страшномъ символическомъ образѣ ея кошмара — мужичка, работающаго въ желѣзѣ и приговаривающаго безмысленныя французскія слова. Въ томъ и ужасъ, что мужичекъ, работая въ желѣзѣ, работаетъ, въ сущности въ ней. А самъ «мужичекъ» ничего не знаетъ и знать не хочетъ, ибо это законъ матеріальной природы, «естества чинъ» — τῆς φύσεως. Это — гномъ желѣза (кобольдъ) — колеса и рельсы, паровозъ и вагоны. Они объ Аннѣ ничего не знаютъ, раздавливая ее, ибо на нихъ въ этомъ потемненномъ грѣховномъ мірѣ опущена пелена «великаго невѣдѣнія» (τῆ μευδλη ἀγνοια) Василида въ противоположность софійному взаимосознанію, взаимопроникновенію и взаимолюбви въ Царствѣ Божіемъ, гдѣ «Богъ всяческая во всемъ».

Il faut le battre, le broyer, le pétrir — это бормотаніе «мужичка въ желѣзѣ» — это же есть звуки желѣзныхъ колесъ, мѣсящихъ, бьющихъ и рвущихъ тѣло Анны. И языкъ ихъ въ Россіи, такъ сказать, «французскій», т. е. чуждый и въ то же время страшно знакомый. Для философіи рока — это страшный кладъ.

Сюда же относится смрадный и омерзительный звукъ пузырьковъ газа въ сгнивающемъ мозгу, уловленный Достоевскимъ въ булькающемъ хлопаніи «бобокъ, бобокъ, бобокъ». Это звуковой символъ погасающаго навѣки сознанія, переходящаго изъ смерти первой, послѣ интермедіи временно возвратившагося въ кошмарахъ мытарствъ сознанія, — въ смерть вторую и безконечную. Самое гнусное и тягостное, что въ этомъ «бобокъ, бобокъ, бобокъ», видится давно знакомая мертвецкая улыбка, мертвецкій цинизмъ надъ самимъ собой. Это — обратная сторона прелестно - прекрасныхъ черныхъ глазъ «Демона самоубійства» В. Брюсова. Ибо

грѣхъ, смерть и діаволь могутъ быть сосредоточены въ самоубійственномъ и потустороннемъ цинизмѣ.

Онъ въ вечеръ одинокій — вспомните —
Когда глухіе сны томятъ,
Какъ врачъ искусный въ нашей комнатѣ
Намъ подаетъ въ стаканѣ ядъ.
Онъ на мосту, гдѣ воды сонныя
Бьютъ утомленно о быки
Вздуваетъ мысли потаенныя
Мѣхами злобы и тоски.
Въ лѣсу, когда мы пьяны шорохомъ
Листвы и запахомъ полянъ
Шесть тонкихъ гильзъ съ бездымнымъ поро-
хомъ
Кладетъ онъ молча въ барабанъ..

А тамъ — циничная улыбка гнилого мяса и лопающейся кожи, сползающей съ костей, и безконечное «бобокъ, бобокъ, бобокъ»...

Такъ заключилась біографія и творчество величайшаго представителя музыкальной культуры русскаго дворянства и вообще одного изъ величайшихъ представителей симфонической музыки — Петра Ильича Чайковскаго.

Повидимому, нельзя поднимать вопроса о Чайковскомъ (такъ же какъ и о Листѣ), не поднимая проблемы, такъ называемой, «програмной музыки», — т. е. музыки, написанной на опредѣленный литературный, философскій, живописный, вообще гетерономный (чужесторонній) музыкѣ сюжетъ. Тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ Чайковскій, какъ представитель дворянской культуры, разсматривается въ контекстѣ съ великими писателями — Тургеневымъ и Л. Толстымъ.

Проблема «програмной музыки» очень сложная и въ значительной степени искусственно придуманная, хотя ея представители часто бываютъ гениальными творцами. Она связана, главнымъ образомъ, съ именами Шумана, Листа и знаменитой «могучей кучки» (Балакирева,

Бородина, Римскаго - Корсакова, Мусоргскаго, Кюи). Выразителемъ ихъ тенденции въ музыкальной критикѣ былъ извѣстный В. В. Стасовъ. Собственно программная музыка, какъ сознательно проводимое заданіе, возникла на рубежѣ 18-го и 19-го вѣковъ — вѣковъ искусственности и въ то же время вѣковъ расцвѣта музыки. Самъ Бетховень сильно содѣйствовалъ распространенію программныхъ тенденцій — своими многозначительными надписями, наименованіями, а иногда и цѣлыми программами, какъ это мы видимъ, на примѣръ, въ его «Пасторальной симфоніи».

Въ данномъ случаѣ мы проблему программной музыки рѣшаемъ въ нѣсколько иной постановкѣ, мы беремъ социальное идеологическій контекстъ и комплексъ дворянской культуры и соотносимъ ея явления. Мы, такъ сказать, рѣшаемъ «х» Чайковскаго, на основаніи уже извѣстныхъ намъ коэффиціентовъ Тургенева и Л. Толстого, включая сюда и рядъ другихъ писателей.

П. Чайковскій прежде всего — гениальный симфонистъ съ несомнѣнной склонностью къ программности. У него огромная композиторская техника и онъ блещетъ совершенствомъ формы, какъ свободной (напр., интродукція къ «Пиковой Дамѣ» и рядъ программно - симфоническихъ поэмъ) такъ и строго симфонической (симфоніи, концерты). Программность Чайковскаго сказывается въ пристрастіи къ оперному симфонизму, гдѣ программа дана драмой и ея аксессуарами; сказывается она и программно - симфоническихъ поэмахъ и балетахъ — «Гамлетъ», «Манфредъ», «Ромео и Джульетта», «Буря», «12-й годъ» (увертюра) «Щелкунчикъ», «Лебединое озеро», «Спящая красавица» — и въ цѣломъ потоцѣ фортепіанныхъ пьесъ съ программными названіями. Сюда же относятся и многіе романсы.

Это все значитъ, что Чайковскій — гениальный литераторъ въ звукахъ. Въ

этомъ онъ очень родствененъ Шуману и Листу, вліяніе которыхъ на него, кстати сказать, не подлежить сомнѣнію наряду съ явнымъ вліяніемъ французовъ и итальянцевъ. Послѣднее, впрочемъ, можно скорѣе назвать очаровательнымъ музыкальнымъ грассированіемъ, своеобразнымъ европеизмомъ русской дворянской культуры, при всемъ томъ глубоко національной. У всѣхъ трехъ — Шумана, Листа и Чайковскаго, есть особенности, которыя можно назвать очаровательными недостатками. У Шумана милая застѣнчивая чувствительность, у Листа — эффектная риторика, у Чайковскаго — очаровательная салонность и подчасъ «цыганщина». Все это поверхностная расцвѣтка, подъ которой скрывается бездонная глубина недоступная скользящему по поверхности взору.

Замыселъ Чайковскаго въ его центральной линіи можно прослѣдить довольно легко, сличивъ симфонизмъ его оперныхъ сюжетовъ, и програмно - симфоническихъ поэмъ съ его чистымъ симфоническимъ творчествомъ.

Здѣсь мы прежде всего сталкиваемся со специфической двойственностью. Мы съ наслажденіемъ внимаемъ его широкимъ и въ то же время уютнымъ кантиленамъ — мелодіямъ и густо насыщеннымъ гармоніямъ, поддерживающимъ эти кантилены. То это ширь русскихъ просторовъ, то это уютъ и меланхолія дворянскихъ усадебъ, шорохъ деревьевъ парка и отрадная меланхолія лунныхъ ночей. «Берега Бугуруслана, роскошныя безсонныя ночи и сладкая молодая грусть» (С. Т. Аксаковъ).

Уноси мое сердце въ звенящую даль,
Гдѣ, какъ мѣсяцъ за рошей, печаль.

(Фетъ)

или еще, его же:

Эти звуки бредъ неясный
Томный звонъ струны.

Позднимъ лѣтомъ въ окна спальни
Тихо шепчетъ листь печальный.
Шепчетъ не слова,
Но подь легкой шумъ березы,
Къ изголовью въ царство грезы
Никнетъ голова.

Невольно приходятъ на память эти слова гениальнаго лирическаго поэта, когда слушаешь не менѣе гениальную «Reverie du soir» G-moll Чайковскаго или внимаешь его чудной ригурнели, которой начинается вступительный дуэтъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

То ли это извѣчная русская тоска, выраженная въ изящныхъ формахъ упительной лирики:

Какъ будто душа о желанномъ просила
И сдѣлали ей незаслуженно больно
И сердце простило, но сердце застыло
И плачетъ, и плачетъ, и плачетъ невольно.
(К. Бальмонтъ).

Но вотъ здѣсь незамѣтный и роковой переходъ... Сладкія грезы, благозвучная тоска... «печаль родныхъ просторовъ» — и раскрывается послѣдняя скорбь, возникаютъ иные звуки — «надгробное рыданіе»... прилетаетъ ангелъ смерти.

Въ уюты парковъ, дворцовъ, гостиныхъ и дѣтскихъ проникаетъ этотъ страшный ангелъ.

И крыльями кондора вѣетъ безшумно
Съ тѣхъ крыльевъ незримо слетаетъ бѣда.
Эдгардъ По
(перев. Бальмонта)

Въ сладкозвучную лирику врывается тысячегортанный вопль и скрежетъ неумолимаго рока (первая часть Четвертой симфоніи). Или же тихо и сумрачно рокъ мѣряетъ время въ мелодіи «раскачивающейся подобно страшному маятнику», по чудному выраженію Игоря Глѣбова (рѣчь идетъ о главной темѣ 5-й симфоніи E-moll).

И поднимается знакомый уже по Гого-

лю страшный вихрь, въ паническомъ ужасѣ бѣгутъ каскады скрипичныхъ унисоновъ и разрѣзаютъ ихъ закованные въ мѣдь синкопы духовыхъ инструментовъ, производящіе впечатлѣніе «грандіознаго содроганія» (Энгель).

— Не уйдешь!

Въ одноименныхъ по тональности и по типу Четвертой симфоніи и «Бурѣ» (тоже F-moll) — внѣшняя и внутренняя буря перекликаются и сливаются. Такъ же какъ и въ сонатѣ «Apassionata» Бетховена (тоже F-moll).

«Не уйдешь» — эти страшныя слова Тургенева можно сдѣлать эпиграфомъ трилогіи судьбы — къ послѣднимъ тремъ симфоніямъ Чайковскаго (F-moll, E-moll, и H-moll — «Патетическая»); сюда же надо присоединить и гениальный камерный набросокъ на ту же тему — трио A-moll «На смерть великаго артиста».

Во всѣхъ трехъ симфоніяхъ и въ трио судьба выступаетъ въ различномъ обличій, но всюду она настаиваетъ. И это не судьба Бетховена, гдѣ противостоящій року титанъ Прометей сталкивается съ нимъ въ «борьбѣ равныхъ». Нѣтъ! Увы, у Чайковскаго — это топоръ палача.

Въ Четвертой симфоніи (F-moll) судьба подстегиваетъ своими фанфарами напуганную душу. Нахлестанная ими, она пускается въ свой безнадежный полетъ и въ концѣ первой части она мечется какъ Эллисъ, увидѣвшая смерть, когда «громкая фигура на блѣдномъ конѣ вдругъ встала и взвилась подъ самое небо» — чудовищныя рыканья F-moll-наго аккорда *tuttiff* въ кодѣ (заключеніи) первой части.

Въ пятой симфоніи (E-moll) судьба выступаетъ въ обличій торжествующей любви. Страсть разгорается въ лирическихъ кантиленахъ второй части какъ достигаемое, но вѣчно недостижимое счастье. Тихая въ началѣ симфоніи тема судьбы врывается въ разливъ эротиче-

ской лирики скрежещущими громовыми диссонансами.

Весны не будетъ и не надо.

(А. Блокъ)

Наконецъ, въ Шестой симфоніи (H-moll) «судьба подползаетъ подобно страшному чудовищу» (Гуго Риманнъ) — въ глухомъ хриплѣнн фогота на фонѣ едва слышной квинты струнныхъ. И въ тихую тоску, послѣ попытки преодоленія ее любовно-лирической кантиленой, врывается «рѣзкій вопль ожога» — пронзительнымъ диссонансомъ (*tuttiff*) въ началѣ разработки первой части разрушаются послѣднія мечты «невозможнаго счастья». Ядовитое чудовище укусило, всякое сопротивление яду бесполезно, все кончено, и мы съ содроганіемъ слушаемъ возвратный ходъ въ тонѣ H-moll въ серединѣ первой части при переходѣ разработки къ репризѣ. Кажется, ни во снѣ, ни на яву нельзя забыть этого ужасающаго перекликанія струнныхъ и деревянныхъ духовыхъ инструментовъ съ тромбонами на фонѣ оркестра, вrepещущаго въ судорогахъ минорнаго аккорда. Поистинѣ «Патетическая симфонія!..»

Можно опять сладко погрузить въ второй части или же поднять боевой кличъ въ третьей — «мы еще повоюемъ, чортъ возьми!» — ничто не поможетъ. Ядъ сдѣлалъ свое дѣло и въ четвертой части — это не изображеніе агоніи, а сама агонія — авторъ съ мучительной медленностью погружаетъ себя и внимающаго ему — въ небытіе.

«Бѣдный Петя! Со всѣхъ сторонъ наступила смерть, ничего не видно кромѣ смерти», — такъ говоритъ про эту часть Клименко, другъ композитора.

Чайковскій самъ сталъ своимъ рокомъ и самъ себя казнилъ въ музыкѣ и въ жизни.

Сочетаніе въ одно цѣлое мотивовъ эротической тоски, топора судьбы и ада, яв-

лены въ геніальной музыкѣ Чайковскаго къ пятой пѣснѣ «Ада» Данте. Это — знаменитая симфоническая поэма «Франческа да Римини».

Только Листъ, да Чайковскій осмѣлились достойно приблизиться къ славу Флоренціи, къ великому Алигieri и передать въ музыкѣ его грандіозный и мрачный пафосъ. Поэма начинается съ музыкально-програмнаго изображенія адскаго вихря, который постепенно утихаетъ и въ мелодіи англійскаго рожка звучитъ рассказъ Франчески, насыщенный безконечной тоскѣ о невозвратномъ прошломъ:

Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria*).

Dante. Inferno. Canto V.

Неистовый взрывъ страсти въ воспоминаніи

La bocca mi bacio tutto tremante.

Но все заглушаетъ вой, визгъ и скрежетъ ада, терзающаго и истязующаго свои жертвы. Видѣть это невыносимо, и самъ художникъ падаетъ замертво.

*E caddi come corpo morto cade**).*

Dante, ibid.

Подъ страшный топоръ судьбы и въ адъ коммунизма вмѣстѣ съ дворянской культурой пошла и вся тысячелѣтняя культура Россіи, вобравшая въ себя все лучшее, что было въ мірѣ. Ибо въ дворянской культурѣ выразилась вся русская культура. Внутренній и внѣшній рокъ сплелились.

«Мужичекъ» не даромъ дѣлалъ что то въ желѣзѣ, приговаривая бессмысленныя, но невыразимо ужасныя слова:

Il faut le battre, le broyer, le petrir

*) Нѣтъ большей скорби, какъ вспоминать о счастливомъ времени въ несчастіи.

***) И я упалъ, какъ падаетъ мертвое тѣло.

Почему?

«Зачѣмъ ты умеръ, Лоренцо? Глупенькій Лоренцо, зачѣмъ ты умеръ?»

— «Такъ нужно, Экко». — (Л. Андреевъ. «Черныя Маски»).

Тамъ, гдѣ не принимаютъ имени Логоса — «Святаго Крѣпкаго», тамъ остается только любовь къ року (*amor fati*) древнихъ стойковъ. «Ты не могъ преодолѣть своей судьбы, полюби же ее, тебѣ не остается иного выбора» — мрачнымъ эхомъ на зловѣщую древнюю мудрость отзываются слова Ницше. И словно изъ подъ толстой могильной плиты раздается: «Знай, если тебѣ не удалась жизнь, тебѣ удастся смерть».

Есть обстоятельства, на которыя отвѣчать можно только скорбью, гдѣ только безпредѣльная скорбь является философией.

Но ни скорбь, ни смерть (а предѣлы скорби — смерть) сами по себѣ не могутъ быть удачными, не могутъ быть выходами, онѣ — безвыходны. А самоубійство и подавно. Скорбь и смерть — это великія неудачи. Вотъ почему отъ нихъ отшатываются съ такимъ ужасомъ человѣчскія души. И приходъ страшной пары — скорби-смерти вызываетъ такія слова праведнаго Іова:

...«Ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мнѣ» (Іовъ 3, 25).

«До чего не хотѣла коснуться душа моя, то составляетъ отвратительную пищу мою» (Іовъ 5, 7).

«Лицо мое побаровѣла отъ плача, и на вѣждахъ моихъ тѣнь смерти» (Іовъ 16, 16).

Но вѣдь страданія праведнаго Іова — образъ страданій Богочеловѣка, Спасителя міра. И для насъ въ могильной тмѣ страданія — смерти загорается свѣтъ.

Есть только одинъ видъ удачнаго страданія и удачной смерти — это «положеніе души за друзей своихъ». Такой смертью умеръ Единый Безгрѣшный — «Под-

вигоположникъ» спасенія. Такая смерть уже въ себѣ самой содержитъ вѣчную жизнь и потому не можетъ не быть воскресеніемъ. И Онъ воскресъ, ибо не можетъ не воскреснуть Самосушая Любовь, Начальница жизни.

Но это уводитъ насъ въ совершенно новыя области и раскрываетъ залитые вѣчнымъ свѣтомъ горизонты. Эти горизонты выявляютъ метафизическую связь русской культуры съ православной эсхатоло-

гіей воскресенія, Свѣтлаго Праздника. Это — тема преп. Серафима и Н. О. Федорова. «Я знаю, Искупитель мой живъ, и Онъ въ послѣдній день возставитъ изъ праха распадающуюся кожу мою сію; и я во плоти Своей узрю Бога». (Іовъ 19, 25).

Апрѣль, 1931.
Парижъ.

В. Н. Ильинъ

Апологетическія замѣтки

(Продолженіе).

4; До возникновенія электронной теоріи строенія вещества и электромагнитной теоріи энергіи, материализмъ представлялъ себѣ атомы въ видѣ абсолютно твердыхъ «кирпичей мірозданія» (см. Царгъ «Кирпичи мірозданія», изданіе хотя и по-революціонное, но сильно консервативное). Сейчасъ представители материалист. міровоззрѣнія говорятъ объ «электронахъ», «протонахъ», «скрѣпляемыхъ» «электромагнитной энергіей», т. е. оставаясь «добрыми атомистами», вмѣсто атома подставляютъ его составныя части—электроны и протоны, и попрежнему стремятся все объяснить механически. Научныя открытія нашего времени до конца разрушили наивно - механическія представленія о строеніи матеріи и о сущности энергіи. Труды Морица Планка, Шредингера, Гейзенберга, Дирака, Кэмптона Эддингтона и, наконецъ, крупнѣйшаго физика современности Луи де Бройля убѣдительно свидѣтельствуютъ о явной несостоятельности наивно - материалистической механической «атомистики» добраго стараго времени. Открытія де Бройля въ значительной степени требуютъ отказа даже отъ обычнаго пониманія теоріи причинной зависимости, они говорятъ о свободѣ, внѣпространствен-

ности и внѣвременности внутриатомныхъ процессовъ.

Послѣ Морица Планка и развитаго имъ ученія о «квантахъ», представленіе объ энергіи, какъ о какомъ то цементѣ, скрѣпляющемъ скопленіе матеріальныхъ массъ и ихъ элементовъ, совершенно невозможно. Энергія передается **отдѣльными** толчками, отдѣльными минимальными количествами, слѣдующими другъ за другомъ **прерывно**. Никакой рѣчи о «скрѣпленіи» здѣсь и быть не можетъ; всякія грубо механическія аналогіи здѣсь абсолютно несостоятельны. Грубыя понятія удара и толчка замѣнены тонкимъ полуметафизическимъ понятіемъ вибраціи. Сама матерія являетъ свою сущность въ образѣ **вибрирующихъ волнъ**

5; Попытка использованія данныхъ астрономіи, геологіи и т. д. въ цѣляхъ безбожія, для установленія, яко бы, непримиримыхъ противорѣчій между библіей и наукой, для доказательства ложности библейскаго ученія о происхожденіи міра — можно назвать своеобразнымъ антикварнымъ курьезомъ, связаннымъ съ непониманіемъ какъ существа религіознаго откровенія, такъ и природы научнаго знанія и объясненія міра. Библия не есть учебникъ астрономіи или геологіи:

она повѣствуетъ не въ теоріяхъ, а символахъ.

«Символь» — знакъ, образъ (словесный, живописный, музыкальный, жестъ) запечатлѣваетъ моментъ реального духовнаго опыта, живую встрѣчу души съ вѣчнымъ содержаніемъ, съ Богомъ. Таинственныя откровенія вѣчнаго не вырази-мы въ **адекватныхъ** (полностью равныхъ выражаемому) понятіяхъ. По замѣчанію А. А. Потемни, реальное содержаніе, охватываемое символомъ, всегда больше внѣшней оболочки, внѣшняго обозначенія этого содержанія. Символь—какъ бы нѣкоторый священный знакъ, іероглифъ, вводящій въ живой опытъ вѣчнаго содержанія. «Символь» раскрывается — растетъ, бесконечно углубляется въ своемъ смыслѣ по мѣрѣ духовнаго роста самого воспринимающаго. Символы — носители вѣчнаго содержанія, вѣчнаго смысла, обладающіе способностью бесконечнаго развитія, углубленія, уясненія... Религіозное откровеніе, поэтому всегда говоритъ языкомъ символовъ.

Научныхъ теорій очень много, и съ каждымъ годомъ число ихъ все увеличивается. Онѣ появляются, исчезаютъ, смѣняютъ одна другую. Странно и нелѣпо было бы требовать отъ **религіознаго** ученія, предназначеннаго для всѣхъ временъ и народовъ, чтобы оно **«соотвѣтствовало»** тѣмъ или инымъ конкретнымъ **гипотезамъ**, которыя сегодня есть, а завтра опровергнуты или исправлены.

6; Относительно происхожденія космоса, частью котораго является и наша солнечная система со включенной въ нее землей, можетъ быть, два предположенія: 1) либо космосъ бесконеченъ не имѣть ни начала, ни конца въ чередующихся образованіяхъ и разрушеніяхъ міровъ (теорія Цендера), 2) либо космосъ имѣетъ начало и конецъ. Въ первомъ случаѣ нашему уму предлагается нѣчто такое, что для него абсолютно и навсегда недо-

ступно. Можно себѣ представить **ограниченный** рядъ образованій и разрушеній міровъ но **безграничный** рядъ этихъ явлений абсолютно непредставимъ и неизвѣстно, что означаетъ.

Если же космосъ имѣетъ начало и конецъ, то ученіе о твореніи міра Богомъ является наиболѣе приемлемымъ и свободнымъ отъ внутреннихъ противорѣчій объясненіемъ возникновенія, происхожденія міра, больше оно является, въ такомъ случаѣ, въ сущности, логически обязательнымъ.

7; Происхожденіе міра изъ спиральной или иной туманности не есть единственная теорія. Существуютъ теоріи, ничего общаго съ ней не имѣющія, напримеръ, метеоритная теорія Локайера, ледяная космогонія Гербигера, теорія Мулттона, Чемберлена и безчисленное множество другихъ*).

8; Наличіе ряда **противорѣчивыхъ** теорій по одному и тому же вопросу является убѣдительнымъ свидѣтельствомъ противъ позитивистически - материалистическаго догмата о «непогрѣшимости науки», глубоко противорѣчащаго подлинному научному сознанію. Наука описываетъ дѣйствительность, стремится въ понятіяхъ выразить откровенія міра о себѣ. Поэтому каждый отвѣтъ каждое научное высказываніе есть не послѣдній, «непогрѣшимый» отвѣтъ, а описаніе дѣйствительности такъ, какъ она открывается человѣческому сознанію при данномъ состояніи человѣческихъ знаній, человѣческаго опыта. Отсюда обиліе теорій, гипотезъ (рабочихъ теорій). Природа научнаго знанія такова, что «непогрѣшимость науки» въ томъ смыслѣ, какъ это понимаютъ представители материалистическаго міровоззрѣнія, есть ложный мифъ, ложное

*) Обзоръ этихъ теорій данъ въ книгѣ В. Н. Ильина — «Шесть дней творенія».

утверждение не науки, а определенной мировоззрительной системы, лже - догматъ бзбожной религіи.

9; Утверждение, что движение системы міровъ необходимо вытекаетъ изъ законовъ всемірнаго тяготѣнія, обусловленнаго свойствами вещества, столь же состоятельно, какъ и утверждение: что фабричныя трубы могутъ исполнить симфонію Чайковскаго. «Законы» природы есть нѣчто совершенно не **матеріальное**, а **идеальное**. Законъ, скажемъ, тяготѣнія нельзя «ощупать», «взвѣсить», нельзя сказать, что онъ такой то длины, такой то ширины. Чувственно - матеріально онъ намъ не данъ. Мы наблюдаемъ **проявленія** его въ матеріальномъ мірѣ, но самъ то **онъ иной природы**, чѣмъ матеріальное бытіе. Онъ внѣвремененъ, внѣпространственъ — онъ бытіе безматеріальное, бытіе постигаемое разумомъ, бытіе идеальное. Утверждение, что законы природы есть **проявленіе**, свойство матеріи, такъ же вѣрно, какъ утверждение, что свѣтъ есть свойство глаза, что музыкальная мелодія есть проявленіе уха.

Въ законахъ природы идеальное бытіе (законы) овладѣваетъ бытіемъ матеріальнымъ, подчиняетъ его себѣ. Для матеріализма это совершенно необъяснимое чудо. Матеріализмъ просто закрываетъ глаза на несомнѣнный фактъ, пытается обойти его искаженіемъ понятія закона природы.

10; Въ научномъ употребленіи понятіе «закона» — въ значительной мѣрѣ — есть извѣстный **описательный пріемъ**. Аристотель, человекъ стоявшій на высотѣ научнаго знанія своего времени, объяснял паденіе камня или движение воздуха вверхъ тѣмъ, что движение вещей есть слѣдствіе «закона» нахождения вещи въ опредѣленномъ мѣстѣ вселенной. Въ силу этого закона — «естественнаго мѣста для каждой вещи во вселенной», — камень стремится внизъ, въ сферу земли; воздухъ — вверхъ

въ сферу воздуха. Формулировка Аристотеля для своего времени была подлинно научнымъ описаніемъ, научнымъ «закономъ», описательнымъ пріемомъ, удовлетворительно объяснявшимъ наблюдаемые въ мірѣ факты. Объясненіе (до Торичелли) подъема — при качаніи насоса — воды вверхъ тѣмъ, что «природа не терпитъ пустоты», для ученыхъ того времени тоже было «закономъ», удовлетворительнымъ обобщающимъ объясненіемъ - описаніемъ наблюдаемыхъ фактовъ. Законы природы, какъ **идеальная** основа міра, неизмѣнны и объективны, научныя формулировки, описанія ихъ относительны, опредѣляются даннымъ состояніемъ научнаго знанія, даннымъ состояніемъ научнаго опыта. Современныя научныя открытія особенно ярко иллюстрируютъ то, что понятіе закона въ наукѣ есть «абстрактное и обобщенное описаніе природы» (Э. Махъ). Напр., Фрике показалъ, что на большихъ разстояніяхъ «законъ» тяготѣнія не дѣйствуетъ. Міровыя пространства пронизаны всевозможными излученіями, не подчиняющимися закону тяготѣнія и пронизывающимися міровыя пространства съ такою же легкостью, какъ и мелкія атомныя структуры; упомянемъ, на примѣръ, такъ назыв. лучи Миликана и Кольгерстера. Разновидности такихъ лучей открываютъ чуть ли не каждый день. Всякое абсолютизированіе даннаго отрѣзка научнаго описанія міра, какъ послѣдняго, «непогрѣшимаго» есть величайшая неправда.

11; Утверждение, что между «живой» и «мертвой» матеріей нѣтъ никакого различія завѣдомо ложно и ничего общаго съ наукой не имѣетъ. Неорганическое или такъ называемое мертвое вещество ассимилируется къ окружающей средой и стремится къ **энтропіи**, т. е. къ уравниенію разностей температуры и къ разсѣянію энергіи, органическое или такъ называемое живое вещество, питаясь окружающей средой, наоборотъ, ее себѣ ассимилируетъ.

еть и стремится къ возрастанію и поддержанію разностей температуръ и накопленію энергіи, т. е. къ такъ называемой **экстропіи**.

12; Утвержденіе, что различіе между живымъ и неживымъ тѣломъ сводится лишь къ различію комбинацій, къ различію соотношеній соединеній тѣхъ элементовъ, которые мы встрѣчаемъ въ водѣ, воздухѣ и сушѣ, есть софизмъ. **Фактъ комбинацій какъ разъ и предполагаетъ наличіе творческой энергіи, ея комбинирующее вмѣшательство.** Будучи послѣдовательнымъ, придется утверждать, что нѣтъ никакой разницы между картиной и тѣмъ, что останется послѣ ея сожженія: — элементы тѣ же самыя. Комбинированіе веществъ, изъ которыхъ состоятъ краски, производимое изобрѣтателемъ красокъ, и комбинированіе красокъ художникомъ, создающее картину, никакому химическому учету не поддаются, а реальный результатъ этихъ комбинацій совершенно очевиденъ. Совершенно однимъ и тѣмъ же количествомъ и сортомъ красокъ можно, напр., нарисовать картину Коронаціи Царя и засѣданія Цика подъ предсѣдательствомъ Сталина. Физикохимической разницы между этими двумя картинами не будетъ никакой, но утверждать, что вообще между ними нѣтъ никакой разницы, врядъ ли рѣшится даже самъ Бухаринъ.

13; При утвержденіи, что между такъ назыв. «живой» и «мертвой» матеріей различія нѣтъ, самое понятіе возникновенія «живого» изъ «мертвого» означаетъ неизвѣстно что. Если нѣтъ различія между «живымъ» и «мертвымъ», то нѣтъ и никакого возникновенія. Если же такое **принципальное** различіе существуетъ, — а оно, какъ убѣдительно квидѣтельствуется указанное нами различіе между экстропіей и энтропией, несомнѣнно существуетъ, — то возникновеніе живого вещества изъ неживого есть скачекъ, такъ

называемая мутация (внезапная перемена*). Современное естествознаніе можно сказать насыщено идеей мутации. Самозарожденіе жизни изъ матеріи есть также же чудо какъ и привнесеніе этой жизни извнѣ. Утверждать самозарожденіе жизни въ «мертвой» матеріи есть приблизительно то же, что утверждать камозарожденіе картины изъ красокъ. Въ томъ и другомъ случаѣ вмѣшательство творческой силы совершенно очевидно.

14; Относительно домысловъ о появленіи первичной слизи — протоплазмы въ качествѣ физической основы всѣхъ растений и животныхъ нужно съ рѣшительностью сказать, что это продуктъ ложнаго мнѣотворчества, вышедшаго изъ школы Геккеля, заслуги котораго въ наукѣ сомнительны, но зато заблужденія вполне очевидны. Геккель такъ много лгалъ и поддѣлывалъ, что вполне заслужилъ малопочетное наименованіе лжеучителя**). Теорія эволюціи, предполагающая длинный процессъ постепеннаго восхожденія отъ болѣе простыхъ существъ къ болѣе сложнымъ, является въ значительной мѣрѣ дурной фантастической догматикой. Предполагаемый путь отъ одноклѣточной амебы до человѣкообразной обезьяны и отъ нея — до человѣка тоже болѣе чѣмъ

*) Мутация или гетерогенеза — непосредственное рѣзкое возникновеніе **новаго** вида изъ **старого**. Это возникновеніе сопровождается измѣненіемъ сразу же во всѣхъ деталяхъ организма.

Подробнѣе смотр. В. Н. Ильинъ «Загадка жизни и происхожденіе живыхъ существъ» изд. YMCA - PRESS.

***) Геккель въ «Естественной исторіи творенія» трижды напечаталъ одно и то же **клише**, но съ различными подписями, чтобы показать, что зародыши человѣка и другихъ млекопитающихъ (собаки и обезьяны) въ опредѣленный періодъ утробной жизни совершенно сходны.

маловѣроятнѣ. Очень удобно ссылаться на эволюцію въ теченіе миллиардовъ лѣтъ, благо ея никто не наблюдалъ. Периодами ютъ сотенъ милліоновъ до миллиардовъ лѣтъ оперировать легко, дватри лишніе ноля приписать ничего не стоить, бумага же все терпитъ... Дѣйствительныя же непредвзятая наблюденыя свидѣтельствуютъ о развитіи жизни скачками, говорятъ о мутацияхъ т. е. внезапныхъ измѣненіяхъ живыхъ существъ, какъ это показано блестящимъ голландскимъ ученымъ Д. Фризомъ съ его школой. Въ теоріи дарвинизма громадное значеніе придаетъ «отбору», какъ слѣдствію борьбы за существованіе. Но отборъ, — не говоря о томъ, что дѣйствіе его весьма ограничено не является силой творческой, началомъ прогресса, отборъ препятствуетъ закрѣпленію варіацій, противодѣйствуетъ всему, что выше или ниже нормы. Отборъ — проявленіе силы «стандартнаго производства», онъ обезпечиваетъ только повтореніе, устойчивое равновѣсіе. Отборъ — сила глубоко консервативная и объяснить при помощи отбора возникновенія новаго невозможно. Дарвинизмъ, по инерціи еще пользующійся почетомъ «на задворкахъ науки», въ серьезныхъ научныхъ работахъ уступаетъ свое мѣсто Нео - Ламаркизму*) и теоріи мутаций и т. д. Между

*Нео - Ламаркизмъ отмѣчаетъ, что упражненіе, дѣятельность того или иного органа ведетъ къ усовершенствованію,

человѣкомъ и такъ называемымъ челоѣкообразной обезьяной, равно какъ и между челоѣкообразной обезьяной и низшими представителями этого отряда существуютъ зияющіе пробѣлы.

15; Материалисты утверждаютъ, что будетъ время, когда челоѣкъ научится готовить живое существо лабораторнымъ путемъ. Но это окажется возможнымъ только потому, что челоѣкъ **надѣленъ даромъ творчества, свободы.** Всѣ эти смѣлыя фантазіи давно предвосхищены и превзойдены библейскимъ сказаніемъ о сотвореніи челоѣка изъ земли, т. е. изъ неорганическаго «мертваго» вещества. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что челоѣкъ—образъ и подобіе Божіе— совершить творческій актъ, подобный акту своего Создателя. Иисусъ Христосъ, въ Котораго христіане вѣрують, какъ въ Бога и Создателя, говоритъ: «дѣла, которыя Я творю и вы сотворите, и больше сихъ сотворите» (Іо. 14, 12).

развитію, утонченности дѣятельности органа; отсутствіе дѣятельности, упражненія—къ постепенному уничтоженію органа. Но дѣятельность, упражненіе связаны съ психической жизнью организма, въ частности, съ волей. Волевое же усиліе всегда говоритъ — на строго научной экспериментальной основѣ — о фактѣ цѣли, лежащей въ самомъ организмѣ, вводитъ въ качествѣ фактора, развитія цѣлевую активность самого организма.

Литература для самот. проработки

Общее введеніе. Г. И. Челпановъ «Мозгъ и душа» С. Л. Франкъ «Введеніе въ философію» Н. О. Лосскій «Введеніе въ философію».

Религія и научное знаніе. Франкъ «Религія и наука въ современномъ созна-

ніи» (жур. «Путь» № 4 1926 г.). Н. О. Лосскій «Мистическое» и современное мышленіе» «Путь» № 14. 1928,

Современное естествознаніе. Н. О. Лосскій «Современный витализмъ», «Матерія и жизнь», «Міръ, какъ органи-

ческое цѣлое». М. Френфельсъ «Философія XX вѣка» В. Н. Ильинъ «Матеріализмъ и матерія». Сборники «Новыя идеи въ философіи» (№ 2). В. Н. Ильинъ. «Загадка жизни и происхожд. живыхъ существъ».

Библия и естествознаніе, В. Н. Ильинъ.

«Шесть дней творенія».

Границы понятія «Законъ науки». П. Флоренскій (свящ.), «Символическое описаніе дѣйствительности» (Сборн. «Фениксъ». Москва, 1922 г.), В. В. Зѣньковский «О чудѣ». В. В. Зѣньковский «Психическая причинность».

Демократизмъ или соборность

(изъ откликовъ на статью В. В. Зѣньковского «Организмъ или Организациа».)

«Главная бѣда въ нашей практикѣ «управленія» въ смѣшеніи понятій — соборность и демократизмъ, съ неизбѣжной отъ этого болью, какъ слѣдствіемъ извѣстной духовной неправды. У насъ ужасно часто во имя принципа соборности все, даже мелочь, считаютъ нужнымъ провести черезъ правленіе, совѣтъ, общее собраніе или еще какое либо коллективное цѣлое: другими словами, — стремятся уже готовое личное рѣшеніе какого либо вопроса облечь въ форму общаго постановленія. Такая система приводитъ вотъ къ чему: 1) или мнѣніе «вождя», «секретаря» или кого либо еще совпадаетъ съ общимъ мнѣніемъ — что бываетъ очень рѣдко, и тогда всѣмъ хорошо, 2) собраніе не согласно, не приемлетъ предлагаемаго, какъ своего, но, считая вопросъ незначительнымъ, не желая огорчать «вождя», все же соглашается — не такъ ужъ, моля важно, но остается чувство оскомины — ихъ именемъ прикрыты чужіе, не ихъ мысли; 3) собраніе несогласно и это высказываетъ — «вождь» обиженъ.

А почему все это? — Потому, что понимая соборность, какъ демократизмъ, думаютъ что формальное постановленіе большинства голосовъ замѣняетъ общее любовное сознаніе и убѣжденіе всѣхъ. Неужели всякій пустякъ надо облекать въ форму коллективнаго рѣшенія, неужели нельзя ограничиться личнымъ распо-

ряженіемъ отвѣтственнаго лица. Думаю, что «С. В.» въ своей статьѣ «Соборность и организациа въ Движеніи» правъ. Большіе принципиальные вопросы, въ томъ числѣ и выборы «вождей» (всѣхъ франговъ), рѣшаетъ соборъ; если онъ духовно не приемлетъ какого либо предлженія, положенія, надо преклониться передъ его волей, — волей соборности - любви, подчиниться ей даже въ томъ случаѣ если соборъ и не доросъ еще до какихъ либо истинъ, словомъ, не считать себя (кто бы этотъ «себя» ни былъ) безгрѣшнымъ судьей собора. — Что же касается мелкихъ дѣлъ, то совершенно не зачѣмъ облекать свои рѣшенія въ ненужную форму общаго постановленія. Выбранные соборомъ отвѣтственные работники должны имѣть достаточно авторитета, чтобы не нуждаться въ такой формѣ для осуществленія своихъ начинаній. Развѣ природа не учитъ насъ правдѣ единоличнаго? Развѣ Церковь въ своей земной организации не подтверждаетъ этого? Развѣ епархіей управляетъ комитетъ, а не одинъ епископъ, который только по важнымъ вопросамъ созываетъ соборъ. Мнѣ кажется, что мы въ Движеніи стоимъ передъ опасностью смѣшенія формальнаго демократизма (который, между прочимъ, уже отвергло передовое слово науки государственнаго права) и современнаго коллективизма (въ коммунизмъ и фашизмъ), съ толпой, только апло-

дирующей вождямъ. Кажется, это будетъ очень и очень далеко отъ понятія православной соборности. Недавно одинъ отвѣтственный работникъ Движенія въ разговорѣ со мною назвалъ себя въ шутку «по-

литрукомъ». Не дай Господь, чтобы такое отношеніе установилось въ дѣйствительности.

Д. Буковскій.

Христіанскій Западъ на распутьи

Трудно представить себѣ болѣе необычайное мѣсто для русскаго эмигранта, чѣмъ Оксфордъ. Для насъ, видѣвшихъ крушеніе Имперіи, пережившихъ конецъ цѣлаго періода русской культуры, жутко и странно очутиться въ городѣ, гдѣ каждый камень священенъ, гдѣ жизнь протекаетъ въ привычныхъ и традиціонныхъ формахъ, сложившихся въ теченіе долгихъ столѣтій. Оксфордцы гордятся своимъ вѣрнымъ блюденіемъ завѣтовъ старины. Они говорятъ, что если бы Оксфордскій Донъ (обычное имя для преподавателей Университета) XVI или XVII столѣтія воскресъ и вернулся бы въ свой колледжъ, то онъ почти не нашелъ бы въ немъ переменъ. Оксфордъ есть воплощенная вѣрность традиціи, и ея тяжелая рука властно подчиняетъ себѣ каждое, вступившаго въ стѣны этого славнаго университета. Но глядяваясь глубже въ жизнь современнаго Оксфорда, начинаешь чувствовать, что глубокая трѣвога и неувѣренность въ будущемъ уже проникли внутрь этихъ древнихъ стѣнъ. Огромное зданіе всей европейской культуры дало угрожающія трещины, и въ Оксфордѣ, — этомъ сердцѣ традицій и культуры, — предчувствіе грядущихъ бѣдствій даетъ себя знать особенно остро и напряженно.

Европейская культура все еще является столь величественной силой, что по-прежнему кажется непобѣдимой и вѣчной твердыней. Стоитъ попасть вечеромъ въ большіе города современной Европы,

увидѣть нарядную толпу, море огней, неудержимый потокъ автомобилей, роскошь витринъ, чтобы чувство прочности и мощи современнаго міра прочно овладѣло всѣмъ нашимъ существомъ. Но это впечатлѣніе обманчиво. Внутри современной жизни происходитъ неотвратимый процессъ постепеннаго разрыхленія, вывѣтриванія самыхъ основъ ея. Тѣ истины, которыя казались несомнѣнными для нашихъ дѣдовъ и отцовъ, становятся пустыми и безсодержательными въ глазахъ ихъ современныхъ дѣтей. Европейская культура выросла на основѣ Римскаго права и христіанства. Обѣ эти силы нынѣ теряютъ свое обаяніе и власть надъ душами людей, а это значитъ, что рано или поздно все, что было построено на ихъ основѣ, должно разрушиться и исчезнуть, и что-то новое, еще невѣдомое придетъ намъ на смѣну.

Оксфордскій университетъ жилъ въ теченіе долгихъ вѣковъ, и до нынѣ живетъ вѣрой въ правду Христа и въ всечеловѣческое значеніе основъ римской гражданской культуры; и тамъ особенно начинаютъ сознавать, что оба эти идеала перестаютъ уже быть двигающими силами. Я не буду касаться здѣсь вопросовъ о римскомъ правѣ и о римской культурѣ, остановлюсь только на причинахъ кризиса христіанства. Человѣкъ XX столѣтія религіозенъ. Онъ ищетъ Бога, и въ своей вѣрѣ въ Его существованіе хочетъ найти опору для своей жизни. Онъ даже болѣе нуждается въ христіан-

ствѣ, чѣмъ люди XVIII и XIX столѣтій. Современный человѣкъ готовъ вѣрить. Его умъ и сердце раскрыты передъ идеей Бога, грубый матеріализмъ и атеизмъ становятся удѣломъ полуобразованныхъ самоувѣренныхъ недоучекъ. Но все же христіанскія Церкви переживаютъ сейчасъ глубокой кризисъ и постепенно теряютъ свою власть надъ широкими кругами цивилизованнаго человѣчества. Обычно выдвигается множество объясненій этого парадоксальнаго явленія, — одновременнаго наростанія религиозныхъ настроеній и уменьшеніе числа членовъ Церквей. Несомнѣнно, эти причины многосложны, но я здѣсь остановлюсь только на одной изъ нихъ, вставшей передо мною во время моихъ занятій исторіей Церквей въ Оксфордѣ.

Современный человѣкъ готовъ принять идею Бога Творца міра, ощущаетъ необходимость общенія съ Божествомъ, находитъ въ глубинахъ своего духа слѣды Божественнаго свѣта, но онъ не ощущаетъ того личнаго живого Бога Отца, дѣйствующаго въ исторіи человѣчества, о которомъ говоритъ намъ Евангеліе.

Наша дѣйствительность сталкиваетъ насъ съ безжалостными и непреодолимыми законами экономики, уничтожающими тысячи отдѣльныхъ человѣческихъ жизней. Рабочій, выброшенный на улицу во Франціи изъ-за банковскихъ краховъ въ Америкѣ, англійскій безработный шахтеръ, знаютъ, что въ виду экономическаго кризиса они до конца своей жизни могутъ не найти примѣненія для своего труда; сотни русскихъ людей раздавленныхъ съ холодной жестокостью въ подвалахъ чрезвычайекъ, — всѣ эти факты могутъ ли быть совмѣщены съ Евангельскими словами, что перечтенъ каждый волосъ и что любящій Богъ Отецъ заботится и охраняетъ жизнь каждаго изъ насъ. Встаетъ страшный вопросъ, не относится ли Богъ, Творецъ безграничнаго міра, такъ же безразлич-

но къ жизни отдѣльнаго человѣка, живущаго на какой то ничтожной пылинкѣ-землѣ, какъ мы относимся къ жизни муравья, случайно оказавшагося на нашей дорогѣ. Можемъ ли мы найти объективное свидѣтельство, что Богъ дѣйствительно promышляетъ о жизни всего человѣчества и его отдѣльныхъ членовъ? Имѣетъ ли смыслъ наша молитва къ Нему, наши надежды на помощь, на заступленіе, или же все, что мы называемъ религіей, есть только извѣстное психологическое переживаніе, полезное и нужное для нашего душевнаго равновѣсія, но все же только переживаніе.

Отвѣты на эти вопросы, какіе даютъ догматика, философія, мистика больше не удовлетворяютъ. Современный человѣкъ хочетъ провѣрить ихъ фактами самой жизни, и потому его испытующая мысль обращается къ исторіи, какъ къ объективной свидѣтельницѣ человѣческой жизни на землѣ. Можемъ ли мы, изучая ея событія, найти въ нихъ слѣды дѣйствительныхъ, подлинныхъ личныхъ встрѣчъ Бога и человѣка, можемъ ли мы, изслѣдуя постепенное и прихотливое развитіе человѣчества, ощутить въ этихъ процессахъ несомнѣнное дѣйствіе промысла Божія. Вотъ тѣ вопросы, которые встаютъ въ сознаніи современнаго человѣка. На нихъ западное христіанство не даетъ удовлетворительнаго отвѣта, и несомнѣнно, что въ этой неудачѣ лежитъ одна изъ основныхъ причинъ глубокаго кризиса современнаго западнаго христіанства.

Современные историки даютъ различные отвѣты на вопросъ о возможности личной встрѣчи въ исторіи Бога и человѣка.

Историки матеріалисты, конечно, отрицаютъ всякую возможность подобной встрѣчи, такъ какъ для нихъ и Богъ и человѣкъ не существуетъ, какъ личныя и свободныя существа. Жизнь человѣчества всецѣло обусловлена властью зако-

новъ природы, безжалостныхъ, безличныхъ, непреодолимыхъ.

Иной отвѣтъ даютъ историки склоняющіеся къ деистическому, — утверждающему бытіе Бога, но отрицающему возможность промыслительнаго вмѣшательства Бога въ судьбы творенія — міровоззрѣнію. Богъ извнутри ограниченъ законами своего бытія и никогда и ни при какихъ условіяхъ Онъ не нарушаетъ ихъ желѣзной необходимости. Богъ остается безмолвнымъ и безучастнымъ свидѣтелемъ трагедіи человѣчества на землѣ. Онъ можетъ спасти наши души, но безсиленъ избавить отъ смерти и мукъ наши тѣла. Подобный отвѣтъ, какъ и первый, не можетъ удовлетворить религіознаго сознанія человѣка, и онъ находится въ явномъ противорѣчій съ Евангельскимъ благовоствованіемъ.

Этотъ взглядъ развился, какъ реакція противъ сложившейся въ средніе вѣка «христіанской» философіи исторіи.

Христіанство явилось въ міръ въ видѣ всеобъѣдающей религіи примиренія, встрѣчи Бога Отца съ своими отпавшими дѣтьми — человѣчествомъ. Христіанство было полно безмѣрныхъ динамическихъ силъ и утверждало свободу Бога и свободу человѣка. Богъ и человѣкъ, лицомъ къ лицу встрѣтились въ исторіи и книга Дѣяній Апостоловъ навсегда остается свидѣтельствомъ этого неповторимаго творческаго сочетанія Божественной и человѣческой энергіи. Но въ силу ряда сложныхъ причинъ, это правильное сочетание Божественнаго и человѣческаго нарушилось въ сторону умаленія значенія человѣческаго творчества и свободы. Путь спасенія сталъ истолковываться преимущественно какъ пассивное послушаніе, раболѣпное преклоненіе передъ «Его Святой волей».

Это умаленіе человѣческой свободы въ историческихъ судьбахъ человѣчества выразилось у разныхъ вѣроисповѣданій по

разному. У протестантовъ оно сказалось въ ученіи о буквальныймъ богодохновеніи Библіи, при которомъ роль священныхъ писателей сводилась къ безличной — медіумической — передачѣ словесъ Святого Духа; у Римо-католиковъ — въ ученіи о Папѣ, какъ земномъ намѣстникѣ Іисуса Христа, передающемъ Его волю внѣ зависимости отъ своихъ личныхъ качествъ.

Результаты искаженія вѣрнаго воззрѣнія на взаимоотношенія между божественнымъ и человѣческимъ въ тайнѣ исторіи были чрезвычайны для судьбы христіанства. Они сказались во всѣхъ областяхъ жизни Западной Церкви и неомынно явились одной изъ основныхъ причинъ той религіозной революціи, которую мы называемъ теперь реформаціей XVI вѣка.

Особенно нужно подчеркнуть то, что этотъ взглядъ разрывалъ священную связь между христіанствомъ и исторіей. Если только одинъ Богъ является единственно и подлинно дѣйствующей и отвѣтственной силой, то исторія Церкви становилась просто непонятной и даже ненужной. Характерно, что всѣ западные вѣроисповѣданія долгое время проявляли глубочайшее пренебреженіе къ исторіи Церкви. Только съ возникновеніемъ реакціи противъ этого традиціоннаго взгляда возникъ и серьезный интересъ къ церковной исторіи. Нѣмецкіе либеральные богословы много потрудились для разработки ея, но уже только какъ части общей исторіи культурнаго развитія человѣчества. Традиціонный взглядъ на взаимоотношенія между Богомъ и человѣкомъ въ исторіи долженъ былъ рано или поздно неизбежно потерпѣть крушеніе, и это случилось въ наше время.

Если вся задача христіанина сводилась къ послушанію волѣ Божіей, выраженной или въ Библіи, или въ повелѣніи «Викарія Бога на землѣ» — Римскаго

папы, то всё связи между Богомъ и человекомъ, естественно, должны были ограничиться отношеніями наказанія и благословенія. Вся бездна человѣческихъ страданій и несчастій при этомъ понятіи истолковывается, какъ **наказаніе**, посылаемое Богомъ для вразумленія грѣшниковъ, или какъ испытаніе для утвержденія праведниковъ; всякое счастье и удача — проявленіе милости Бога, награждающей своихъ избранниковъ. Но этотъ взглядъ, безконечно упрощающій и обѣдняющій, кажется современному человѣку просто нелѣпо-бездушнымъ. Трудно вѣрить, что русскіе христіане, уничтожаемые въ подвалахъ Г. П. У., терпятъ свои муки или только какъ наказаніе, или только какъ испытаніе, посылаемое любящимъ, милосерднымъ Богомъ Отцомъ. Непонятно, какъ могло случиться, что по волѣ Божіей, христіанскія церкви Сѣверной Африки, Месопотаміи, Малой и Центральной Азіи, были стерты съ лица земли торжествующимъ магометанствомъ. Наконецъ жизнь даетъ слишкомъ много разительныхъ примѣровъ, когда всё жизненные удачи выпадаютъ на долю людей, открыто попирающихъ всякую правду и справедливость. Исторія и факты ежедневной жизни даютъ рядъ вѣскихъ доказательствъ, что хотя человѣкъ въ исторіи и находится подъ властью законовъ, но эти законы не имѣютъ значенія рока; человѣкъ отчасти постигаетъ ихъ и въ состояніи ихъ предвидѣть. Если есть вообще смыслъ человѣческаго существованія, то его нужно искать на путяхъ свободнаго постиженія своего истиннаго заданія и творческаго, самостоятельнаго осуществленія его въ формѣ исторической дѣйствительности.

Исторія человѣчества, дѣло Церкви, страданія и радости могутъ обрѣсти свой внутренній подлинный смыслъ только при признаніи, что человѣкъ является ихъ

свободнымъ и отвѣтственнымъ соучастникомъ. Мы, христіане, вѣримъ, что безъ помощи Божіей мы ничего не можемъ творить, но и Богъ не хочетъ дѣйствовать въ этомъ мірѣ безъ нашего свободнаго и разумнаго сотрудничества въ осуществленіи Его Божественныхъ плановъ. Богъ, какъ любящій Отецъ, дѣйствующій въ исторіи человѣчества, можетъ открыться передъ умственнымъ взоромъ современнаго западнаго человѣка только чрезъ признаніе, что и самъ человѣкъ является свободнымъ творцомъ своей жизни. Либеральныя историки XIX вѣка пытались возстановить поправныя права человѣческой личности, но въ ихъ построеніяхъ не оказалось мѣста для живого личнаго Бога; традиціонное же пониманіе исторіи утверждало могущество Бога, но забывало о свободѣ человѣка. Нынѣ христіанскій Западъ стоитъ передъ грандіозной задачей сочетать, найти праведное соотношеніе между Божествомъ и человекомъ и вернуться къ пониманію исторіи, которое такъ духовно было раскрыто Ап. Лукой. Христіанскій Западъ стоитъ на распутьи, и далеко еще не ясно, найдетъ ли онъ правильный выходъ. Одни упорно стремятся вернуться на старыя позиціи, другіе видятъ спасеніе въ дальнѣйшемъ углубленіи либерализма, все болѣе и болѣе склоняющагося къ полному отрицанію живого и личнаго Бога. Дѣйствительный выходъ находится въ возстановленіи ново-завѣтнаго ученія о любящемъ Богѣ Отцѣ и о Его свободномъ твореніи, сынѣ Божіемъ по благодати — человѣчествѣ. На этомъ пути только и могутъ быть найдены удовлетворяющія объясненія нашего прошлаго и здоровые пути будущаго. Европейская культура въ смертельной опасности, и только Церковь можетъ предотвратить катастрофу, но Церковь, имѣющая дѣйствительные отвѣты на запросы современнаго человѣчества. Русская ре-

волюція закончила одинъ изъ длинныхъ и славныхъ періодовъ церковной исторіи. Онъ не былъ первымъ и лучшимъ и, быть можетъ, не будетъ и послѣднимъ. Его отличительной чертой была попытка сочетать Евангельское благовѣстіе съ основами Римскаго государствования. Грандіозный и величественный замыселъ рано или поздно неизбѣжно долженъ былъ встать передъ мыслью христіанскаго человѣчества, и это случилось въ началѣ IV вѣка. Онъ владѣлъ мыслями, волей и чувствами лучшихъ христіанъ въ теченіе 16 вѣковъ, но нынѣ изначальное противорѣчіе между Христомъ и Римомъ вновь встаетъ съ небывалой остротой. Византія первая пала жертвой этой попытки разрѣшенія величественной мечты; за нею послѣдовала страшная гибель Россіи. Смыслъ нашей катастрофы еще не осознанъ на Западѣ, но въ древнемъ Оксфордѣ, — этой твердынѣ мечты о христіанской имперіи, растетъ тревога.

Грядущія десятилѣтія, а можетъ быть только столѣтія, дадутъ отвѣтъ на вопросъ, поставленный нашими днями: будетъ ли міръ покоренъ христіанствомъ, свободнымъ отъ власти римскаго закона, или страшный звѣръ атеистическаго че-

ловѣчества поглотить европейскую культуру, и новый красный варваръ такъ же разрушитъ стѣны и парки Оксфордскихъ колледжей, какъ онъ осквернилъ православные русскіе храмы. Западное христіанство стоитъ передъ роковымъ выборомъ. Укажетъ ли ему зарево русскаго пожара правильный путь? На этотъ вопросъ пока еще нельзя дать отвѣта.

Есть много признаковъ обнадеживающихъ, но много и глубоко тревожныхъ, но одно несомнѣнно: рѣшающая роль въ разрѣшеніи этого кризиса будетъ принадлежать Русской церкви. Она до конда испила горькую чашу крушенія христіанской имперіи, и ея мученики проливаютъ кровь не только за Русскую землю, но и за весь христіанскій западъ. Въ Оксфордѣ еще все спокойно, его жизнь, какъ всегда, течетъ въ привычныхъ и освященныхъ формахъ, но его судьба рѣшается въ наши дни. Она зависитъ отъ тѣхъ грозныхъ событій, которыя совершаются теперь на русской далекой равнинѣ.

Н. Зерновъ.

Оксфордъ. Апрель 1931 г.

Религіозно - педагогическій съѣздъ въ Ревелѣ (22 - 25 февраля 1931 года).

Съѣздъ открылся въ прощенное воскресенье по восточной пасхалии, въ недѣлю Православія — по западной (Ревельскіе и нарвскіе приходы празднуютъ западную пасхалию, остальные — восточную). Въ 3 часа Л. А. Зандеръ (предсѣдатель съѣзда) открылъ съѣздъ краткой рѣчью о значеніи зимнихъ религіозно - педагогическихъ съѣздовъ, о раздѣленіи ихъ на Латвійскую и Эстонскую части, о задачахъ даннаго съѣзда; онъ закончилъ свою рѣчь оглашеніемъ ряда привѣтствій, послѣ чего

послѣдовало традиціонное представленіе членовъ съѣзда и гостей. Приглашены были очень многіе но пришло только нѣсколько человѣкъ...

Послѣ этого былъ заслушанъ докладъ Л. А. Зандеръ на тему: «Проблема внѣшкольной педагогики».

Докладчикъ говорилъ о необходимости учитывать всѣ тѣ соблазны, всѣ тѣ вліянія, которымъ подвергается человѣкъ, живя въ міру и въ жизни «улицы». Нельзя изолировать человѣка отъ жизни, нельзя

запретить ему видѣть то, что окружаетъ со всѣхъ сторонъ. Лишь учитывая всѣ эти явленія, можно бороться съ соблазномъ улицы, можно побѣдить ее. Необходимо овладѣть тѣмъ временемъ, которымъ владѣетъ улица, наполнить его здоровымъ и живымъ содержаніемъ. Отвлекая отъ соблазновъ, надо дать взаменъ интересъ, равный по силѣ. Необходимо правильно использовать досугъ каждаго изъ насъ, необходимо бороться за цѣломудріе собственными усилиями молодежи. Создание системы такихъ усилій и составляетъ проблему внѣшкольного воспитанія и самовоспитанія. Эта система можетъ быть плодотворной только при достаточномъ обоснованіи; это обоснованіе можетъ сообщить религіозная идея. Стремится къ воплощенію и осуществленію всего этого Движеніе, какъ борьба за душу молодежи...

Послѣ доклада слѣдовала информация, слѣланная представителями Ревеля, Юрьева, Печеръ и Нарвы. Информация велась въ формѣ бесѣды, часто прерываемой вопросами дополненіями и т. п.

Въ 8 часовъ въ Никольской церкви (напротивъ помѣщенія съѣзда) была отслужена вечерня съ пѣніемъ Пасхальнаго канона, во время котораго члены съѣзда просили другъ у друга прощенія. Жили всѣ на частныхъ квартирахъ; Ревельскіе движенцы разобрали заранѣе всѣхъ гостей, встрѣчали ихъ на вокзалѣ, заботились о нихъ. Эта часть съѣзда была поставлена образцово.

23/П. Слѣдующій день начался великопостными часами. Послѣ нихъ состоялась дискуссия на тему «Психологія возрастовъ» подъ руководствомъ И. П. Тутышкина. Послѣдній пріѣхалъ рано утромъ 23/П и съ первыхъ же словъ завоевалъ общую симпатію и любовь. Въ теченіе всего съѣзда его осаждали вопросами, и онъ неутомимо отвѣчалъ на нихъ, говоря какъ о технической сторонѣ педагогическаго процесса, такъ и объ идеалахъ во-

спитанія. Высоко оцѣнивая значеніе идеаловъ воспитанія, онъ требовалъ отъ молодежи максимальныхъ нравственныхъ заданий и больше всего предостерегалъ ее отъ обывательской постепенности. Послѣ обѣда И. П. Тутышкинъ читалъ лекцію «Свобода и дисциплина въ школахъ». Часть съѣзда не согласилась съ положеніями докладчика о дисциплинѣ, и споръ продолжался какъ въ перерывахъ, такъ и на слѣдующей дискуссіи.

Понедѣльникъ 23/П былъ очень насыщенъ работой, т. к. кромѣ лекціи и дискуссіи (и то и другое по 1 1/2 часа) имѣли еще мѣсто семинары. Ихъ было 3: прот. Боговлянскаго «Методика преподаванія Закона Божьяго»; В. Ф. Бухгольца «Христіанство и природа», Л. А. Зандера «Значеніе праздниковъ въ системѣ воспитанія». Вечеромъ было великое повечеріе съ чтеніемъ канона Св. Андрея Критскаго; пѣлъ хоръ движенцевъ, равно какъ и на литургіи преждеосвященныхъ даровъ и на панихидѣ по Ѳ. М. Достоевскомъ.

24/П. Вторникъ — день обрѣтенія главы св. Иоанна Предтечи — начался литургіей преждеосвященныхъ даровъ, послѣ которой состоялась лекція Л. А. Зандера на тему: Национальное и социальное воспитаніе».

«Исторія, говорилъ докладчикъ, — это — тотъ стержень, на которомъ держится понятіе родины, но лишь при наличіи любви, когда чувствуешь и любишь это «золотое сердце». Въ своей любви къ родинѣ, къ ея прошлому, не слѣдуетъ, однако, быть фанатичнымъ и слѣпо консервативнымъ. Прошлое свято, если оно живетъ, а что отмираетъ — мертво и ненужно. На святомъ, на абсолютномъ строился идеалъ святой Руси. Идея святости всегда была центральной, главной идеей русскаго національнаго самосознанія».

Въ этотъ день на съѣздѣ было много гостей. Это былъ праздникъ 13-лѣтія самостоятельности Эстонскаго государства.

Открывая собраніе, предсѣдатель указаль на ту свободу, которая царитъ въ Эстоніи. Отвѣтомъ на это должна быть конечно, не только лояльность, но и чувство признательности и уваженіе къ народу, который умѣетъ цѣнить инья культуры. Послѣ обѣда — семинары; послѣ нихъ — окончаніе информаций (Валкъ, Печеры и въ качествѣ гостей — Рига) и дискуссія съ И. П. Тытушкинымъ.

25 П. Утромъ — литургія. Часть членовъ сѣзда (около 30 человекъ) причащались Св. Таинъ. Послѣ литургіи и трапезы состоялись семинары, а затѣмъ — заключительное собраніе, которое очень успѣшно было проведено Т. Е. Дезенъ (Л. А. Зандеръ заболѣлъ 24/П вечеромъ и долженъ былъ слечь въ постель, его семинаромъ 25/П руководила В. А. Зандеръ, также заболѣвшая вечеромъ этого дня).

Въ 5 1/2 часовъ въ соборѣ состоялась торжественная панихида по О. М. Достоевскомъ. Служилъ Митрополитъ въ сослуженіи духовенства—(Движеніе пригласило на эту панихиду всѣхъ Ревельскихъ священниковъ), пѣлъ хоръ движенцевъ.

Послѣ сѣзда было еще два момента, которые слѣдуетъ отмѣтить.

Это 1) — Собраніе въ катакомбахъ,* на которомъ Ревельское Движеніе принимало своихъ гостей въ обычной обстановкѣ. Сильное впечатлѣніе произвела рѣчь руководителя Нарвской воскресной школы, который сказаль, что послѣ 44 лѣтнюю педагогическаго труда и разрушенія всего того дѣла, которому онъ служилъ, онъ вновь, благодаря Движенію, видитъ

*) Такъ назыв. подвальное помѣщеніе подъ соборомъ, занимаемое Движеніемъ.

смысль и цѣль въ своей жизни и работѣ. 2). Собраніе въ гимназіи, носившее болѣе свободный клубный характеръ; пѣлись пѣсни, веселились. Этотъ стиль непринужденнаго веселья до сихъ поръ былъ чуждъ Ревелю, его принесла съ собой Рига, гдѣ эта сторона движенческой жизни стоитъ сейчасъ на правильныхъ рельсахъ. Ревельцы рѣшили работать надъ созданиемъ клуба и собираться не только подъ соборомъ, но и частнымъ образомъ на квартирахъ другъ у друга...

Судя по впечатлѣніямъ участниковъ и по полученнымъ письмамъ, сѣздъ можно считать очень удачнымъ. Въ письмахъ попадаются сравненія съ общимъ сѣздомъ въ Парижѣ и съ Пюхтицкимъ сѣздомъ. Теперь на основаніи опыта трехъ сѣздовъ можно утверждать, что зимніе сѣзды, несмотря на трехдневный срокъ и сравнительную бѣдность лекторами, въ интеллектуальномъ отношеніи даютъ не меньше лѣтнихъ сѣздовъ. Сѣздъ далъ сильный толчокъ религіозно - педагогической работѣ въ Прибалтикѣ; Сѣздъ сблизилъ религіозно - педагогическихъ работниковъ; Сѣздъ обнаружилъ нѣкоторыхъ талантливыхъ работниковъ; Сѣздъ далъ возможность проявиться организационнымъ даннымъ Ревеля.

Вліяніе этихъ сѣздовъ сказывается не только на его участникахъ но и на окружающей жизни; въ обществѣ проявляется больше интереса, участія и вниманія къ Студенческому Христіанскому Движенію. Многие, считавшіе раньше Движеніе забавой, выдумкой молодежи, видятъ серьезность и важность его работы и признають за нимъ права гражданства въ церковномъ и общественномъ строительствѣ.

Жизнь Движенія.

Немме (Ревель). Въ Омино воскресеніе по западной пасхалии, — въ Свѣтлый Праздникъ по восточной пасхалии, — въ Неммѣ (близъ Ревеля) былъ пасхальный воскресникъ — розговѣны ребятишекъ. Были шарады, декламация въ лицахъ, картины — и все это называлось «путешествіе по Россіи». Это было какъ бы резюме работы нынѣшней зимы, въ теченіе которой мы изучали отдѣльныя области Россіи, ихъ святѣни и историческое значеніе.

Собралось 45 ребятъ, пропѣли «Христость воскресе» и «Воскресенія день», выученныя во время поста, прочитано было Евангеліе отъ Матѳея о Воскресеніи Христовомъ.

Послѣ этого начались розговѣны. Каждый изъ дѣтей получилъ по крашеному и шоколадному яйцу, кусокъ кулича съ пасхой. Часть ребятишекъ въ русскихъ рубашкахъ и сарафанахъ разносила сласти на лодносахъ, подчивала дорогихъ гостей конфектами и морсомъ, а потомъ — отправились въ путь.

Началось дѣло съ Петербурга. На двухъ столахъ водрузили стулъ, а на стулъ «Дѣдушку Крылова»; вокругъ же стола усѣлись ворона съ лисицей, поваръ въ колпакѣ и котъ съ замѣчательнымъ хвостомъ изъ проволоки и марли, и цѣлый квартетъ (бумажныя деки на линейкахъ). Изъ Петербурга попали мы въ Новгородъ и отгадывали шараду, первое-садъ - коллекція малышей въ яркихъ бумажныхъ шапочкахъ въ видѣ розъ, маковъ и т. д., второе — «ко» — четверка мальчугановъ - циплятъ и курица насѣдка, кричавшая «ко-ко-ко». А цѣлое было подводное царство и плясъ морского царя. Подъ чтеніе отрывковъ изъ «Садко» Ал. Толстого. Морской царь въ зеленомъ трико и коронѣ съ сѣдой бородой изъ мха имѣлъ громадный успѣхъ, особенно когда стоялъ «многую подъятой болтая» — даже тещъ конференсье не выдержалъ подобающей серьезности.

Послѣ Новгорода путешественники отправились на югъ. При чтеніи стихотворенія «Кіевъ», (Хомяковъ) въ условный моментъ двое державшихъ убрали простыню, и зрители увидѣли 10 богомольцевъ — сѣдоволосаго казака, сибиряка, грузинку, лопаря, раскосаго алтайца, мужичка псковскаго, корела, курсистку «отъ синихъ волнъ Невы» калужскую бабу и московскую купчиху.

Изъ Кіева попали мы въ русскія степи, гдѣ кочевали богатыри, лихіе половецкіе ханы Отрокъ и Сырчанъ, и пировали въ остроконечныхъ шапкахъ изъ оберточной бумаги, съ кривыми саблями за поясомъ. Немного трудно было съ организацией «русской силы Мономаха» и половецкаго стана; въ «русскую силу» желало попасть очень много кандидатовъ. Трудно было когда отрока, который «въ Донскихъ залегъ меляхъ» (въ углу за фисгармоніей у окна), очень спѣшно нужно было преобразить въ кавказскаго царя. Конецъ былъ трогателенъ: при видѣ пучка емшана — травы степной, — грозный ханъ былъ потрясенъ и вернулся въ родныя степи.

Кончили мы странствіе на Кавказѣ, прослушавъ споръ Казбека съ Шатъ-горою среди соплеменныхъ горъ — въ бумажныхъ зеленыхъ шапкахъ. Ролей хватило на всѣхъ. Тутъ былъ и «сонный грузинъ», льющій пѣну сладкихъ винъ (изъ пустой кружки), и Тегеранъ съ трубкой, и желтый Ниль, покрытый дорожкой самага желтаго цвѣта, и бедунинъ съ простыней, и несмѣтные полки сѣдопо генерала.

Послѣ всего этого начались будни — перетаскиваніе партъ, отправка ребятъ по домамъ, поиски рукавичекъ, сборъ «реквизита» и раздача остатковъ пиршества.

До лѣта осталось намъ еще нѣсколько воскресеній, а потомъ каникулы — и развѣдутся наши будущіе, надѣмся, движенцы, пока «движенята» до будущей осени.

Во время лѣтнихъ каникулъ, съѣздовъ не забывайте о „Вѣстникѣ“.

Лѣтніе мѣсяцы — время, когда многіе изъ читателей «Вѣстника» отправятся на каникулы въ села, деревни, мѣстечки.

Лѣтніе мѣсяцы — время когда на съезды Движенія собираются сотни новыхъ людей.

Используйте это время для увеличенія числа подписчиковъ «Вѣстника», для увеличенія числа друзей Движенія.

При всякомъ удобномъ случаѣ говорите о Движеніи, о «Вѣстникѣ», знакомьте съ нимъ, оставляйте пробные №№, убѣждайте подписываться.

Привлекайте вниманіе къ «Вѣстнику» и Движенію сельской интеллигенціи.

Позаботьтесь объ интересныхъ и полныхъ отчетахъ о съездахъ для «Вѣстника».

ОБРАЩАЕМЪ ВНИМАНІЕ ЧЛЕНОВЪ ДВИЖЕНІЯ И ПОДПИСЧИКОВЪ «ВѢСТНИКА»

на только - что вышедшую и поступившую въ продажу глубоко интересную и содержательную книгу проф. Г. В. Флоровскаго:

Восточные отцы IV вѣка

Въ книгѣ дано жизнеописаніе и изложеніе ученія св. Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Григорія Нисскаго, Іоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др.

Цѣна долл. 1.75.

Выписывать можно изъ YMCA-PRESS. Членамъ Движенія и священнослужителямъ, СКИДКА 30%.

„ВѢСТНИКЪ“

Органъ русскаго Студенческаго Христіанскаго Движенія за Рубежомъ
(шестой годъ изданія).

Особое вниманіе обращено на освѣщеніе церковной жизни въ сов. Россіи, на хроникѣ антирелигіозной пропаганды. Имѣется отдѣлъ посвященный вопросамъ религіозно-національнаго воспитанія русскаго юношества въ эмиграціи.

Можно выписывать бесплатно пробные номера.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ

	на годъ отд. №		на годъ отд. №	
Во Франціи съ колон.	30 фр.	3.—фр.	Въ Румыніи	220 лей 20 лей.
Въ Англіи	6 шил	6 пен.	(при условіи послыки заказной бан-деролью 300 лей въ годъ).	
» Бельгіи	9 белг.	0.80 б.	Въ Финляндіи	55 мар. 5 мар.
» Болгаріи	140 левъ	15 л.	» Чехословакии	45 кр. 4 кромы
» Германіи	5.50 мар.	0.50 м.	» Эстоніи	5.50 кр. 0.50 кр.
» Италіи	26 лиръ.	2.50 л.	» Югославіи	65 дин. 6 динар.
» Латвіи	6.50 латъ	0.60 л.		
» Литвѣ	13 литъ	1.20 л.	Остальн. страны	1.50 ам. д. 0.15 дол.
» Литвѣ	13 литъ	1.20 л.		
» Польшѣ	12 злот.	1.10 з.		

Рабочіе и студенты во всѣхъ странахъ, исключая Америку, Англію, Швейцарію Италію, англійскія колоніи и Дальній Востокъ, при условіи подписки на годъ, могутъ пользоваться скидкой (годовая плата 1 американ. долларъ).

Деньги въ редакцію можно посылать почтовымъ переводомъ, чекомъ, или въ заказномъ письмѣ, въ любой валютѣ.

Пріемъ рукописей, объявленій, выдача справокъ и указаній, а также полученіе подписной платы производится:

АМЕРИКА: 1) Arch. W Sokovich, 1520, Green str. SAN FRANCISCO, California.
2) N. Stember. 63. East 120 str. NEW-YORK.

3) T. Karpovitch, 67 Walker st. CAMBRIDGE.

АНГЛІЯ: V. Rastorgoueff, 80, Marchmont Str. LONDON W. C. I.

БОЛГАРИЯ: E. Наумовъ, Регентская 38. СОФИЯ.

БЕЛЬГИЯ: Mme M. A. Petroff, Jette St.-Pierre, Hopital Brugmann. BRUXELLES.

ГЕРМАНИЯ: 1) V. Slepian Wielandstr. 49, BERLIN, Charlottenburg.

2) «Logos» 87, Markgrafenstrasse BERLIN S. W. 63.

3) D. Obolensky. Carlovitzstr. 15 DRESDEN.

4) W. Schwesoff Bahnhofstr. 6. II FREIBERG I. Sa.

КИТАЙ: 1) В. Коченова, Св. Алексѣевская церковь, Зеленый Базаръ, Большой проспектъ HARBIN.

2) The Magazine Shop. 601 Av. Joffr, SHANGHAI.

ЛАТВІЯ: 1) N. Litvin, Turgeneva iela 21a, dz. 8.

2) L. Gailit. Ludzas iela 3. DAUGAVPILS.

ПОЛЬША: 1) E. Polonska, Wlodzimierz Volynski. Skrz 3. Majatek Sielec.

2) «Dobro», ul. Krakowskie Przedmiescie 53. WARSZAWA.

ФИНЛЯНДІЯ: Mr Reiche, KELLOMAKI.

ФРАНЦІЯ: 1) Въ редакціи Вѣстника Anna Smirnoff, 10, Bd. Montparnasse, PARIS. XV.

2) A. Bogasko Villa Raymond, 8, av. de Béaru. Cimiez NICE. A. M.

3) P. Belyaeff. 101, rue Moncey, chez M-me Magne.

ЧЕХОСЛОВАКІЯ: 1) S. Malloj, 271. Belohorska, Brevnov. PRAHA.

2) V. Voskobonikov. Krajinsky urad odd. 29 Belnayova 1-3 BRATISLAVA.

3) V. Belousov, c/o A. Vissarionoff, 18, Kraľovopolska. Zaboresky. BRNO.

ЭСТОНИЯ: 1) E. Smirnova. Lai 5. N. N. K. U. TALLINN.

2) H. Lange. Mäe 4-1 TARTU.

3) S. Nikitin. Kreenholm 18-25. NARVA.

4) A. Sekst. Pihkva 43. PETSERI.

РУМЫНІЯ: L. Gloukoff. Tescani, jud Bacau.

ЛИТВА: E. Sokolsky Malunu 56 KAUNAS.